

18+

Юрий Драздов

**Фермер
симулятор: Жнец**

Юрий Драздов

Фермер симулятор: Жнец

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Фермер симулятор: Жнец / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

Иван Петрович, уставший пенсионер-агроном, хотел лишь возделывать грядки, но случайно уничтожил величайшую крепость сервера, став для всех «Богом Урожая». Война окончена, его земли выжжены, а его окружение — от учеников до лидеров гильдий — требует порядка, еды и спасения от цифрового апокалипсиса. Старик с тяпкой вынужден вершить судьбы мира, искать союзников в Администрации и создавать оружие из нематод, чтобы полить дождем самую странную угрозу виртуальной реальности.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Божество с грядки	6
Часть 1. Утро после конца света	7
Часть 2. Пепел как удобрение	10
Часть 3. Первая странность	12
Часть 4. Паломники	16
Часть 5. Неверующие	21
Часть 6. Ночные гости	23
Часть 7. Утро нового мира	26
Глава 2. Политика клубней	27
Часть 1. Тени у границы	28
Часть 2. Подготовка к визиту	32
Часть 3. Совет лидеров	34
Часть 4. Пенёк и тени	37
Часть 5. Вечерний разговор	42
Часть 6. Новая реальность	44
Глава 3. Монополия	46
Часть 1. Кровь на тракте	47
Часть 2. Землянка-штаб	50
Часть 3. Декрет	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Фермер симулятор: Жнец

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-1491-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Божество с грядки

Часть 1. Утро после конца света

Первый рассвет после падения Пепельной Цитадели выдался на удивление тихим. Солнце, багровое и огромное, поднималось из-за восточных холмов, и его лучи, пробиваясь сквозь остатки утреннего тумана, окрашивали выжженную равнину в тревожные, но уже не кровавые, а скорее медные тона. Туман, густой и влажный, стелился над пеплом, скрывая от глаз то, что произошло здесь за последние дни. Он был похож на саван — белый, тяжёлый, пропитанный запахом гари и чем-то ещё, сладковатым и тошнотворным. Запахом смерти, которая ещё не ушла из этих мест. Запахом спор, которые всё ещё висели в воздухе, медленно оседая на выжженную землю.

Иван Петрович проснулся от холода.

Виртуальное тело, конечно, не знало настоящего холода — разработчики «Артары» предусмотрели щадящие настройки нейро-интерфейса, — но сигналы, которые оно посылало в мозг, были достаточно реалистичны, чтобы заставить его поёжиться. Он лежал на куче старого тряпья, которое заменяло ему постель, и смотрел в низкий, закопчённый потолок наспех сооружённого шалаша. Шалаш был построен вчера вечером из обломков, собранных на пепелище: несколько уцелевших досок, кусок обугленной балки, старый плащ, натянутый вместо крыши. Через дыры в плаще пробивались первые лучи солнца, и в их свете плясали пылинки — или, может быть, частицы пепла, которые ещё не успели осесть.

Он сел, кряхтя и потирая поясницу. Тело ныло. Не от ран — раны, полученные в битве, уже зажили благодаря остаткам целебных зелий, которые Рейнджер предусмотрительно захватил с собой при бегстве из гротов. Нет, это была другая боль. Боль старых костей, которые протестовали против каждой минуты, проведённой на холодной земле. Боль усталых мышц, которые ещё не отошли от напряжения последних недель. Боль человека, который слишком много работал и слишком мало спал.

Рядом с ним, на импровизированной подстилке из всё того же тряпья, спала Whisper. Она свернулась калачиком, закутавшись в свой старый плащ, и её лицо, обычно напряжённое и сосредоточенное, сейчас было спокойным. Почти детским. Иван Петрович посмотрел на неё и почувствовал, как в груди шевельнулось что-то тёплое. Что-то, что он уже почти забыл за эти месяцы войны. Нежность. Забота. Чувство ответственности за того, кто от тебя зависит.

Он осторожно, стараясь не шуметь, поднялся и вышел из шалаша.

Перед ним открылась картина, которую он не забудет до конца своих дней — ни в виртуальном, ни в реальном мире.

Лагерь «Колхоза», разбитый вчера вечером на скорую руку, только начинал пробуждаться. Несколько палаток, сооружённых из подручных материалов, теснились вокруг центральной площадки, где вчера горел костёр. Сейчас от костра остались только угли, присыпанные пеплом, но кто-то — вероятно, Кривой Нож, который всегда просыпался раньше всех, — уже успел подложить дров, и над углями поднималась тонкая струйка дыма. Люди спали: кто в палатках, кто прямо на земле, завернувшись в плащи и одеяла. Их было немного — около двадцати человек, всё, что осталось от некогда процветающего «Колхоза». Но они были живы. И это было главное.

А вокруг лагеря, насколько хватало глаз, простиралась пепельная пустошь.

Серая, безжизненная, покрытая толстым слоем пепла равнина уходила за горизонт. Ни дерева, ни кустика, ни травинки. Только пепел. Пепел, который падал с неба всю ночь, как снег, и теперь лежал ровным, однообразным покровом, скрывая под собой всё, что когда-то было здесь живым. Пепел, который был всем, что осталось от Пепельной Цитадели. От фермы Ивана Петровича. От лесов, полей, рек, которые он когда-то знал и любил.

И посреди этой пустоши, в нескольких шагах от шалаша, возвышался чёрный цветок.

Он был похож на тюльпан — изящный, с заострёнными лепестками, плотно прижатыми друг к другу. Его стебель, тонкий и гибкий, тянулся из пепла на высоту примерно метра. Его листья, два крошечных, матовых листочка, были такими же чёрными, как и всё растение. Но внутри бутона, в самой сердцевине, пульсировало что-то тёмно-багровое, как запёкшаяся кровь. Слабый, едва заметный свет, который, казалось, исходил из самой глубины цветка и отражался от его лепестков.

Иван Петрович подошёл к цветку и остановился в шаге от него. Он смотрел на него — на это странное, противоестественное, но при этом бесконечно прекрасное создание, — и чувствовал, как к горлу подступает ком. Он помнил, как вчера, стоя на коленях в пепле, посадил в землю первое зерно. Обычное, простое зерно пшеницы, которое он пронёс через всю войну. Он не ждал, что оно взойдёт. Не ждал, что земля, выжженная Священным Огнём, сможет родить что-то живое. Но земля ответила. Она родила этот цветок — чёрный, холодный, но живой. Живой, несмотря ни на что.

— Доброе утро, — раздался сзади тихий голос.

Иван Петрович обернулся. Whisper стояла у входа в шалаш, закутанная в плащ, и её лицо, обращённое к нему, выражало ту особую, сонную безмятежность, которая бывает только у людей, только что проснувшихся от глубокого, спокойного сна. Она не видела цветка, но «слышала» его. Её нейро-интерфейс, подключённый напрямую к мозгу, рисовал перед ней картину мира через звуки, и сейчас эта картина была полна новых, незнакомых нот.

— Его песня изменилась, — сказала она, подходя ближе. — Ночью она была тихой, как колыбельная. А сейчас... — она наклонила голову, прислушиваясь, — сейчас она звучит иначе. Более... бодро. Как утренняя молитва.

— Молитва, — повторил Иван Петрович, пробуя слово на вкус. — Пожалуй, подходящее слово.

Он протянул руку и коснулся одного из чёрных лепестков. Лепесток был холодным на ощупь — не просто прохладным, а именно холодным, как кусок металла, пролежавший всю ночь на морозе. Но он не был мёртвым. Напротив — от него исходило странное, едва уловимое тепло. Тепло жизни. Той самой жизни, которая всегда была спутницей Ивана Петровича, но сейчас ощущалась иначе. Как-то глубже. Как-то древнее.

— «Шёпот флоры» молчит, — прошептал он. — Я не чувствую его. Я не чувствую ничего.

— Я тоже, — ответила Whisper. — Но это не страшно. Он не враг. Он... друг. Или, может быть, страж. Я не знаю точно. Но он не желает нам зла.

Иван Петрович кивнул и убрал руку. Он не знал, что это за растение. Он не знал, откуда оно взялось и какую роль сыграет в его дальнейшей жизни. Но он знал одно: этот цветок — не проклятие. Это дар. Дар земли, которая приняла его пепел и его слёзы и ответила ему тем единственным, чем могла ответить, — новой жизнью.

— Ладно, — сказал он, отворачиваясь от цветка. — Пора за работу. Буди остальных. День будет долгим.

Whisper кивнула и направилась к палаткам. Иван Петрович остался один. Он стоял посреди пепельной пустоши, глядя на восходящее солнце, и думал. Думал о том, что всё кончено. Что его война закончилась. Что его враги повержены, его земля — пусть и выжженная, пусть и покрытая пеплом — снова принадлежит ему. И теперь, когда всё кончено, он должен сделать то, что умеет лучше всего. Не воевать. Не убивать. Не разрушать. Он должен возделывать землю. Сажать семена. Растить урожай. И строить дом.

Он взял свою тяпку — ту самую, что прошла с ним через всю войну, что валялась в углу шалаша, покрытая копотью и сажей, — и, опираясь на неё, как на посох, зашагал к центру лагеря. Впереди был новый день. Новые заботы. Новые планы. Впереди была жизнь.

Часть 2. Пепел как удобрение

Утро прошло в трудах. Иван Петрович, как и обещал, разбудил всех ещё затемно — или, вернее, как только солнце показалось над горизонтом, — и сразу же распределил обязанности. За те месяцы, что он руководил сначала фермой, а потом «Колхозом», он выработал определённый стиль управления: не командный, не военный, а скорее хозяйственный. Он не отдавал приказы — он ставил задачи. Он не кричал и не угрожал — он объяснял, что нужно сделать и почему это важно. И люди слушались его. Не потому, что боялись. Потому, что доверяли.

— Значит, так, — говорил он, стоя перед собравшимися у костра членами «Колхоза». — Первое: вода. Родник, который мы нашли вчера, — это хорошо, но его дебита не хватит на всех. Рейнджер, возьми двоих, идите вниз по руслу бывшей реки. Там, где раньше была излучина, должен быть ещё один источник. Я помню, он был там ещё до войны. Если он уцелел — копайте. Если нет — ищите дальше. Вода — это жизнь.

Рейнджер, стоявший с перевязанной рукой, кивнул и, не говоря ни слова, направился к группе людей, которых он должен был взять с собой.

— Второе, — продолжал Иван Петрович. — Жильё. Эти палатки — не жильё, а решето. Ночью был ветер, и я продрог до костей. А зима на носу. Нужно строить землянки. Здесь, на пепелище, леса нет, но есть обломки камня, оставшиеся от замка. Эйнар, ты у нас бывший строитель — вот и займись. Бери всех, кто может держать лопату, и начинайте копать. Стены укрепим камнем, крышу накроем дёрном — если, конечно, найдём дёрн. Землянки должны быть готовы к вечеру. Хотя бы три штуки.

Эйнар, мрачный и молчаливый, как всегда, кивнул и отправился выполнять поручение. Он был хорошим организатором, и Иван Петрович знал, что на него можно положиться. За те месяцы, что они провели вместе, бывший ветеран «Ястребов» стал одним из самых ценных его соратников. Не потому, что он хорошо сражался — хотя сражался он отлично, — а потому, что он умел работать. Умел организовать людей, распределить ресурсы, решить проблему. И сейчас эти навыки были нужнее, чем когда-либо.

— Третье, — Иван Петрович повернулся к Кривому Ножу. — Ты займёшься почвой.

— Почвой? — переспросил парень, и на его лице отразилось недоумение. — Деда, какая почва? Тут же один пепел. Тут даже трава не растёт.

— Вот именно, — кивнул Иван Петрович. — Пепел — это не почва. Пепел — это удобрение. Хорошее удобрение, богатое минералами. Но на одном пепле ничего не вырастет. Нужна земля. Настоящая, живая земля, с перегноем, с микроорганизмами, с червями. Её здесь нет. Но она есть в других местах.

Он достал из-за пазухи глиняную табличку — одну из тех, что уцелели при бегстве из мельницы.

— Я тут набросал план. Вчера, пока вы спали. Значит, так: мы разделим территорию на сектора. Сектор А — это то, что вокруг цветка. Его не трогаем. Это заповедник. Сектор Б — южный склон, тот, что ближе к реке. Там пепел самый тонкий. Начнём с него. Твоя задача

— взять несколько человек и просеять этот пепел. Да, просеять. Как муку. Отделить крупные фракции — камни, обломки, спекшееся стекло, — от мелкой золы. Мелкую золу мы будем смешивать с землёй, которую принесём из леса. Если, конечно, от леса что-то осталось.

— А если не осталось? — спросил Кривой Нож.

— Осталось, — твёрдо ответил Иван Петрович. — Лес большой. Архонт сжёг не всё. На севере, за холмами, должны быть уцелевшие участки. Рейнджер проверит это, когда вернётся. А пока — начинайте просеивать. И ещё: соберите весь органический мусор, какой найдёте. Обугленные доски, остатки палаток, даже тела... — он запнулся, но продолжил, — даже тела павших. Всё это пойдёт в компост. Да, у нас будет компост. Без компоста нет плодородия, а без плодородия нет урожая. Выполнять.

Кривой Нож, всё ещё выглядящий озадаченным, но полный решимости, кивнул и побежал собирать людей.

Иван Петрович остался один. Он стоял посреди лагеря, опираясь на тяпку, и смотрел, как его люди расходятся по делам. Кто-то шёл копать землянки. Кто-то — просеивать пепел. Кто-то — искать воду. Все они были заняты делом. Все они были нужны. И от этого на душе у него становилось немного легче.

Он вспомнил, как когда-то давно, в реальной жизни, он вот так же стоял на краю поля и смотрел, как работают его подчинённые. Тогда он был молодым агрономом, только что закончившим институт, и его направили в совхоз поднимать целину. Целина была тяжёлой, каменистой, и первые годы урожаи были плохими. Но он не сдавался. Он пахал, удобрял, сеял, и постепенно земля начинала отзываться. С каждым годом урожаи становились всё лучше, а поля — всё зеленее. И тогда, глядя на эти поля, он чувствовал то же, что чувствовал сейчас. Удовлетворение. Спокойствие. Ощущение, что он на своём месте.

Потом, когда совхоз развалился, когда его уволили по сокращению, когда он остался один в пустой квартире, не зная, чем занять себя, это чувство ушло. Он думал, что оно ушло навсегда. Но теперь, здесь, в виртуальном мире, на выжженной, покрытой пеплом земле, оно вернулось. Он снова был на своём месте. Он снова делал своё дело. И это было самое главное.

Часть 3. Первая странность

К полудню лагерь преобразился. На месте стихийной ночёвки, разбросанной по пеплу, начали вырастать первые признаки организации. Эйнар и его бригада успели вырыть котлованы для двух землянок — глубокие, просторные ямы, укреплённые по краям обломками камня. Третья землянка была в процессе: несколько человек, согнувшись, копали пепел лопатами, которые Иван Петрович предусмотрительно захватил из гротов. Лопаты были старыми, ржавыми, но всё ещё пригодными для работы. Камни для укрепления стен таскали с руин Цитадели — тех самых руин, которые ещё вчера дымились и пульсировали зеленоватым светом.

Рейнджер вернулся около часа дня. Его отряд — двое молодых парней из новичков, прикнувших к «Колхозу» накануне, — выглядел уставшим, но довольным. Они нашли источник. Вернее, целых два. Один — тот самый, о котором говорил Иван Петрович: небольшой родник, бивший из-под скалы на месте бывшей излучины реки. Второй — случайная находка: старая, заброшенная цистерна, которая чудом уцелела после падения замка и была почти доверху наполнена дождевой водой.

— Вода чистая, — доложил Рейнджер. — Я проверил. Никаких спор. Никакой заразы. Можно пить.

— Хорошо, — кивнул Иван Петрович. — Это очень хорошо. Вода — это жизнь, я уже говорил. Без еды человек может прожить неделю, без воды — три дня, а без надежды — и того меньше. Так что вода — это ещё и надежда.

Он посмотрел на Рейнджера и заметил, что тот мнётся, словно хочет сказать что-то ещё.

— Что такое?

— Там, у границы, — начал Рейнджер, и его голос прозвучал как-то странно, — я видел... кое-что. Необычное.

— Что именно?

Рейнджер помолчал, подбирая слова. За месяцы работы с Иваном Петровичем он привык докладывать чётко и по делу, но сейчас, казалось, он сам не до конца понимал, о чём говорит.

— Там люди, — сказал он наконец. — Не наши. Чужие. Они не пытались проникнуть на территорию. Они стояли у границы, на том месте, где раньше был восточный периметр. Они оставили что-то на камне и ушли. Я не успел их догнать. Но я видел, как они уходили. Быстро, почти бегом. Как будто боялись.

— Боялись? — переспросил Иван Петрович. — Чего?

— Не знаю, — ответил Рейнджер. — Может быть, вас.

Иван Петрович нахмурился. За те месяцы, что он провёл в «Артаре», он привык к тому, что его боятся. Боялись «Ястребы», когда их элитные разведчики натыкались на его растения. Боялись мародёры, когда их товарищи подрывались на тыквах-минах. Боялись охотники за

головами, когда они гибли в его Лесу самоубийц. Но это был страх врага перед врагом. Страх солдата перед солдатом. Здесь же, судя по голосу Рейнджера, было что-то другое.

— Ладно, — сказал он. — Пойдём посмотрим.

Они двинулись на восток, в сопровождении Кривого Ножа, который, услышав о странной находке, тут же бросил свою работу и увязался за ними. Путь до границы занял около получаса. Они шли по пепельной пустоши, хрустя пеплом под ногами, и с каждой минутой Иван Петрович всё яснее понимал, что его земля изменилась. Не просто выжжена — именно изменилась. Она стала другой. Чужой. И в то же время — странно знакомой.

Наконец они вышли к границе. Здесь, на том месте, где когда-то проходила Стена Плоты — колючая, смертоносная, неприступная, — теперь лежал огромный, плоский валун. Он был оплавлен по краям, но уцелел. И на этом валуне, аккуратно разложенные, лежали предметы.

Их было много — десятка два, не меньше. Мешочки с золотом, запечатанные сургучом. Флаконы с зельями — синими, красными, зелёными, переливающимися в солнечном свете, как драгоценные камни. Свитки заклинаний, перевязанные шёлковыми лентами. Несколько единиц редкого оружия — пара кинжалов с рукоятями, украшенными рубинами, и лук, инкрустированный перламутром. Даже несколько книг — настоящих, бумажных книг, которые в «Артаре» были редкостью и стоили огромных денег.

Но самое удивительное было не это. Самое удивительное было то, как эти предметы были разложены. Не просто свалены в кучу — аккуратно, симметрично, с определённым порядком. Мешочки с золотом образовывали круг. Внутри круга, выложенные драгоценными камнями, сияли слова. Всего одно слово, но оно заставило Ивана Петровича замереть на месте:

«ПОЩАДИ».

— Что за чертовщина? — пробормотал Кривой Нож, разглядывая надпись. — Это что, нам? Это они нас так боятся?

— Похоже на то, — ответил Рейнджер. — Я видел, как они убегали. Они не просто спешили — они паниковали. Как будто за ними гнался кто-то. Или что-то.

Иван Петрович молчал. Он стоял над камнем, глядя на разложенные подношения, и в его голове одна за другой проносились мысли. Станные, неожиданные, тревожные мысли. Он вспомнил, что говорила Whisper прошлой ночью: «Весь сервер смотрел. Они видели всё». Он вспомнил, как стрим катастрофы транслировался на тысячи зрителей, как чаты взрывались от ужаса и изумления. И он понял: они видели. Видели, как пала Пепельная Цитадель. Видели, как корни и лианы пожирали камень. Видели, как заражённые превращались в зомби-рассаду. Видели, как он, Иван Петрович, старик с тлякой, в одиночку уничтожил величайшую крепость сервера.

И теперь они боялись.

— Это подношения, — тихо произнёс он. — Как в древности. Люди приносили дары богам, чтобы те их не трогали. Чтобы задобрить. Чтобы вымолить пощаду.

— Богам? — переспросил Кривой Нож, и в его голосе прозвучала странная смесь удивления и гордости. — Вы думаете, они вас за бога принимают?

Иван Петрович не ответил. Он наклонился и взял один из свитков. Развернул. Это был свиток заклинания — какого-то мощного, судя по сложным рунам, покрывавшим пергамент, но совершенно бесполезного для него. Его класс «Мирный житель» не позволял использовать магию. Он отложил свиток и взял другой предмет — маленький флакон с тёмно-синей жидкостью. Зелье маны. Тоже бесполезное. Мешочки с золотом — бесполезные. Оружие — бесполезное.

Всё это было бесполезным. Всё это было ценным только для боевых классов, для игроков, которые сражались, колдовали, убивали. Для него, фермера, всё это было просто хламом.

Он уже собирался отбросить очередной свиток, как вдруг его взгляд упал на нечто иное. В дальнем углу камня, почти скрытое за грудой золотых монет, лежало что-то маленькое, тусклое, неприметное. Иван Петрович протянул руку и вытащил это на свет.

Это был свиток. Не такой, как другие: не перевязанный лентой, не украшенный рунами. Обычный, даже грубый на вид, из толстой, желтоватой бумаги. Он развернул его и пробежал глазами по тексту. Это было не заклинание. Это был чертёж. Или, вернее, описание — подробное, со схемами и формулами. Описание алхимического процесса создания «Девственной почвы».

Иван Петрович читал, и его сердце начинало биться быстрее. «Девственная почва» была редчайшим терраформирующим предметом, который мгновенно очищал и удобрял участок земли, делая его пригодным для земледелия. Он слышал о ней раньше, но никогда не видел. Она стоила бешеных денег и была доступна только самым богатым гильдиям. И вот теперь её рецепт — не сам предмет, а именно рецепт, формула создания — лежал перед ним, принесённый в дар неизвестными игроками, которые боялись его гнева.

— Вот это уже интересно, — пробормотал он.

— Что это? — спросил Кривой Нож, заглядывая через плечо.

— Почва, — ответил Иван Петрович, и в его голосе прозвучало что-то новое. Не раздражение, не усталость, а скорее любопытство. Живое, острое любопытство учёного, который наткнулся на неожиданную находку. — Искусственная почва. То, что нам нужно. То, что спасёт нашу землю.

Он бережно свернул свиток и спрятал его за пазуху. Потом повернулся к своим спутникам.

— Значит, так. Все эти подношения — собрать и перебрать. Оружие, зелья, золото, побрякушки — всё это продать. Через нашего торгаша, через того барыгу, через кого угодно. Нам нужно золото на семена и инструменты. Но всё, что связано с землёй, с семенами, с водой, с терраформированием, — всё это несёте ко мне. Лично. Понятно?

Рейнджер и Кривой Нож переглянулись и кивнули. Иван Петрович, не теряя времени, развернулся и зашагал обратно в лагерь. В его голове уже зрел новый план. План, который мог изменить всё. План, который мог превратить пепельную пустошь в цветущий сад.

Часть 4. Паломники

Весть о том, что «Агроном принимает дары», разнеслась по серверу с быстротой лесного пожара. Уже к вечеру того же дня у границы бывших владений Ивана Петровича стали появляться новые подношения. И не только подношения — люди.

Первыми пришли те, кто был наиболее отчаян. Игроки низких уровней, которые не могли постоять за себя в PvP-зонах. Игроки, потерявшие всё во время войны. Игроки, которые помнили, как когда-то Иван Петрович спас их от голода, открыв свои закрома. Они не решались заходить на территорию — слухи о том, что пепелище «охраняет себя само», уже распространились, — но они стояли у границы, на почтительном расстоянии, и ждали.

Одни оставляли дары — скромные, бедные, но искренние: мешочки с семенами, собранными в уцелевших лесах, глиняные горшки с рассадой, бутылки с водой из чистых источников. Другие просто стояли и смотрели. Третьи — и таких было немало — молились. Вставали на колени прямо в пепел, складывали руки и шептали слова, которые больше походили на заклинания, чем на молитвы. Они молились не Богу — они молились ему. Ивану Петровичу. «Богу Урожая».

Иван Петрович узнал об этом от Кривого Ножа, который, вернувшись с очередной вылазки к границе, был бледен и взволнован.

— Деда, там люди, — сказал он, и его голос дрожал. — Много людей. Они стоят у камня, который мы вчера нашли. Они приносят дары. И... они молятся. На вас молятся.

— Что?! — Иван Петрович, который в этот момент сидел у костра и изучал свиток с рецептом «Девственной почвы», поднял голову и уставился на парня. — Как это — молятся?

— Ну... — Кривой Нож замялся, подбирая слова. — Стоят на коленях. Кланяются. Шепчут что-то. Я не расслышал, что именно, но по губам прочитал: «Бог Урожая, пощади нас». И ещё: «Хозяин Полей, прими наш дар». И ещё... — он запнулся, — «Тот, Кто Шепчет Корням, не гневайся на нас».

Иван Петрович отложил свиток и медленно, очень медленно выпрямился. Его лицо, изрезанное морщинами, выражало сложную смесь чувств: удивление, раздражение, недоумение и что-то ещё — то, что он не мог сразу определить. Что-то похожее на горечь.

— Бог Урожая, — повторил он, пробуя слова на вкус. — Хозяин Полей. Тот, Кто Шепчет Корням. Это они меня так называют?

— Ну да, — подтвердил Кривой Нож. — И ещё... по-разному. Я слышал, как один называл вас «Тёмным Жнецом». Другой — «Отцом Урожая». Третий — «Владыкой Пепла».

— Владыкой Пепла, — горько усмехнулся Иван Петрович. — Надо же. Какое красивое имя. Владыка Пепла. Словно я не фермер, а какой-то древний демон.

Он поднялся и, опираясь на тяпку, зашагал к границе. Кривой Нож и подоспевшая Whisper последовали за ним.

Картина, открывшаяся им у камня-алтаря, была ещё более странной, чем та, что описала «Глаз-трава». Людей было больше — десятка три, не меньше. Они стояли полукругом, на почтительном расстоянии от камня, и тихо переговаривались. Некоторые, заметив приближающегося Ивана Петровича, падали на колени. Другие замирали, как статуи, и смотрели на него расширенными от страха глазами. Третьи хватались за оружие — но не для того, чтобы напасть, а чтобы бросить его на землю в знак покорности.

Перед камнем, на котором вчера лежали подношения, сегодня высилась целая гора даров. Мешочки с золотом громоздились друг на друга, как кирпичи. Флаконы с зельями были расставлены аккуратными рядами. Свитки заклинаний, перевязанные лентами, лежали отдельно. И среди всего этого великолепия, прямо в центре, возвышался новый предмет: деревянная статуэтка, грубо вырезанная, но старательно раскрашенная. Она изображала человека в соломенной шляпе, с тлякой в руке, стоящего на фоне восходящего солнца. Идол. Его идол.

Иван Петрович остановился. Он смотрел на этот идол, на эти подношения, на этих людей, стоящих перед ним на коленях, и чувствовал, как внутри него закипает что-то среднее между гневом и смехом.

— Вы что, с ума все посходили? — спросил он наконец, и его голос, усиленный тишиной, разнёсся над пепельной пустошью.

Люди вздрогнули. Кто-то вжал голову в плечи. Кто-то, наоборот, простёрся ниц, касаясь лбом пепла. Иван Петрович обвёл их взглядом и продолжил — уже тише, но с той же смесью раздражения и недоумения:

— Вы что тут устроили? Базар? Ярмарку? Что это за поклонение? Вы что, думаете, я бог? Да я в жизни ни одной молитвы до конца не дочитал! Я агроном! Фермер! Я картошку сажаю, а не чудеса творю!

В толпе послышался робкий шёпот. Кто-то зашептал: «Он гневается...», «Бог Урожая недоволен...», «Мы прогневали Хозяина Полей...». Иван Петрович, услышав это, взвёл глаза к небу — жесту, который он перенял у своей покойной жены и который всегда использовал в моменты крайнего exasperation.

— Да не гневаюсь я! — рявкнул он. — Я просто не понимаю, что происходит! Объясните мне, кто-нибудь, по-человечески!

Из толпы, после долгой паузы, выступил один человек. Это был пожилой игрок, одетый не в доспехи, а в простую крестьянскую одежду. Его лицо, обветренное и покрытое морщинами, выражало ту особую смесь страха и решимости, которая бывает у людей, привыкших рисковать.

— Господин Агроном, — начал он, и его голос, хоть и дрожал, звучал достаточно твёрдо, — мы не хотели вас гнать. Мы пришли с миром. Мы принесли дары, как велит обычай. Мы хотим только одного: чтобы вы нас не трогали.

— Чтобы я вас не трогал? — переспросил Иван Петрович. — А с чего бы мне вас трогать? Вы на меня не нападаете. Вы мои поля не жжёте. Вы моих людей не убиваете. Зачем мне вас трогать?

— Мы знаем, — ответил крестьянин, и его голос стал ещё тише, — мы знаем, что вы могущественны. Мы видели, что вы сделали с теми, кто пошёл против вас. Мы видели, как пала Цитадель. Мы видели, как «Ястребы» превратились в прах. Мы не хотим повторить их судьбу. Мы простые люди. У нас нет ни силы, ни магии, ни власти. У нас есть только надежда, что вы пощадите нас.

Иван Петрович долго смотрел на него. На этого пожилого игрока, который стоял перед ним, сжимая в руках шапку, как проситель перед барином. На его лицо, изрезанное морщинами — совсем как у него самого. На его глаза, полные страха и надежды одновременно.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Томас, господин Агроном. Я фермер. Был фермером. Пока война не сожгла мои поля.

— Фермер, — повторил Иван Петрович, и в его голосе прозвучала странная, почти неуловимая нота — не то сочувствия, не то узнавания. — И что же ты, фермер, делаешь здесь, на коленях, передо мной?

Томас помолчал. Потом ответил — тихо, но твёрдо:

— Потому что вы — единственный, кто может нас защитить. Вы — единственный, кто показал, что даже против силы можно выстоять. Вы — надежда для таких, как мы. Для тех, кто не может сражаться. Для тех, кто хочет просто жить и работать на земле.

В толпе послышался одобрительный гул. Кто-то выкрикнул: «Верно!», кто-то — «Он наш защитник!», кто-то — «Бог Урожая!». Иван Петрович поднял руку, и гул стих.

— Значит, так, — произнёс он, и его голос, усиленный напряжением момента, звучал глухо и властно. — Я не бог. Запомните это. Я не бог, не демон, не дух, не чудотворец. Я — агроном. Фермер. Пенсионер, если уж на то пошло. Я не собираюсь вас трогать, если вы не будете трогать меня. Я не собираюсь вас убивать, если вы не будете угрожать моей земле или моим людям. Но и поклоняться мне не надо. Не надо строить мне храмы. Не надо резать мне идолов. Не надо молиться на меня, как на икону. Это... — он запнулся, подбирая слово, — это мешает пахоте.

В толпе повисла тишина. Люди переглядывались, не зная, как реагировать. Затем Томас, тот самый пожилой фермер, вдруг улыбнулся — робко, неуверенно, но искренне.

— Вы сказали: «мешает пахоте», — произнёс он. — Значит, вы будете пахать? Значит, земля не умерла?

— Земля никогда не умирает, — ответил Иван Петрович, и в его голосе прозвучала та самая, знакомая ему самому нота. Нота человека, который говорит о том, во что верит. — Она спит. Иногда — долго. Иногда — очень долго. Но она всегда просыпается. Нужно только

разбудить её. Удобрить. Полить. И посадить семена. Мы этим и занимаемся. Здесь, на этом пепелище.

Он обвёл взглядом толпу.

— Если кто-то из вас хочет помочь — милости прошу. Работы много. Руки нужны. Но предупреждаю сразу: это будет нелегко. Пепел — он, конечно, удобрение хорошее, но земля без перегноя — мёртвая. Нужно будет таскать землю из леса. Нужно будет рыть канавы для полива. Нужно будет просеивать золу и смешивать её с компостом. Работа грязная, тяжёлая, и платить за неё я буду не золотом — едой. Своей едой, которую мы вырастим здесь, на этой земле. Кто готов — оставайтесь. Кто не готов — уходите с миром. Но только без этих вот... — он махнул рукой в сторону идола, — без поклонений. Потому что, честное слово, у меня от них изжога.

Толпа зашевелилась. Кто-то, потоптавшись на месте, начал расходиться — те, кто пришёл сюда только из страха, кто надеялся задобрить «божество» и теперь понял, что божества нет, а есть только работа. Но многие остались. Томас остался. Ещё несколько крестьян остались. Остались и те, кто когда-то работал на ферме Ивана Петровича, а потом сбежал во время «Пепельной недели». Они стояли, переминаясь с ноги на ногу, и смотрели на старика с той смесью надежды и стыда, которая бывает у людей, осознавших свою ошибку и желающих её исправить.

— Ну что ж, — произнёс Иван Петрович, оглядывая оставшихся. — Раз решили остаться — добро пожаловать. Мотыги вон там, у землянок. Работа та же, что и раньше. Пайки по труду. Кто работает — ест. Кто ленится — идёт на все четыре стороны. Вопросы есть?

Вопросов не было. Люди, всё ещё не верящие в то, что их не убьют, не проклянут и не превратят в зомби-рассаду, медленно, с оглядкой, потянулись к землянкам. Иван Петрович проводил их взглядом и повернулся к Whisper, которая всё это время стояла рядом и молча «смотрела» на происходящее через свой нейро-интерфейс.

— Ну что, — тихо спросила она, — ты доволен?

— Не знаю, — честно ответил он. — Я хотел, чтобы они перестали бояться. Чтобы они поняли: я не чудовище. Я просто человек. Но вместо этого они, кажется, начали верить в меня ещё сильнее. Только теперь не как в бога, а как в... не знаю. В какого-то пророка.

— Может, это и к лучшему, — сказала Whisper. — Пророку хотя бы не молятся. Ему просто верят. А вера — это тоже сила. Она помогает людям работать. Помогает им надеяться. Помогает им жить.

Иван Петрович ничего не ответил. Он стоял, глядя на удаляющиеся фигуры новоприбывших, и думал. Думал о том, что его жизнь, которая когда-то была такой простой и понятной — сажай морковь, поливай грядки, пей чай на крыльце, — превратилась в нечто совершенно иное. В нечто, чего он никогда не хотел и к чему никогда не стремился. Он стал символом. Легендой. Божеством. И теперь, нравится ему это или нет, он должен был с этим жить.

— Ладно, — сказал он наконец. — Пойдём. Пора возвращаться к работе. А эти... пусть делают, что хотят. Лишь бы не мешали.

И они зашагали обратно в лагерь. За их спинами, на пепельной пустоши, медленно оседала пыль. А впереди, в центре лагеря, у костра, пульсировал чёрный цветок, и его тёмно-багровое свечение, казалось, становилось всё ярче.

Часть 5. Неверующие

Но не все на сервере разделяли панический трепет перед «Богом Урожая». Были и те, кто смотрел на происходящее скептически. Кто считал, что падение Пепельной Цитадели — это не результат чьей-то сверхъестественной мощи, а просто цепочка случайностей, удачных тактических ходов и, возможно, багов. Кто полагал, что старик-фермер — это просто хитрая легенда, раздутая перепуганными неудачниками.

Среди таких скептиков была небольшая, но дерзкая группа игроков, называвшая себя «Вороны». Это были не члены гильдии — гильдии они презирали, считая их сборищем бюрократов и трусов. «Вороны» были одиночками, профессионалами высокого уровня, специализировавшимися на мародёрстве. Они появлялись там, где происходили крупные сражения, и подбирали всё, что оставалось после битв: оружие, доспехи, артефакты, золото. Они были циничны, прагматичны и не верили ни в богов, ни в легенды, ни в проклятия. Они верили только в то, что могли увидеть, пощупать и продать.

Их лидер, игрок с ником *Corvus*, был высоким, худощавым человеком в тёмных доспехах, вооружённый парными кинжалами, украшенными рубинами. Он прошёл через десятки битв и ни разу не был побеждён. Он видел, как рушатся замки, как гибнут драконы, как маги уничтожают целые армии. И он не верил, что какой-то старик с тяпкой мог сделать то, что приписывали ему перепуганные зеваки.

— Чушь, — сказал он, сидя у костра в укрытии, которое «Вороны» разбили в холмах к востоку от пепелища. — Полная чушь. Вы видели запись? Я видел. Там не было никакой магии. Там были растения. Обычные, мутировавшие растения, которые вышли из-под контроля. «Ястребы» просто проиграли, потому что были дураками. Они построили замок на заражённой земле, пили отравленную воду и даже не заметили, как их гарнизон начал превращаться в зомби. Это не божественная кара. Это халатность.

— Но стрим... — начал один из его спутников.

— Стрим — это шоу, — перебил его *Corvus*. — Ты думаешь, этот старик не мог подстроить всё? Да он, скорее всего, просто использовал баг. Или баги. В «Артаре» полно дыр в коде. Я сам однажды видел, как игрок провалился сквозь текстуру и выпал из мира. Может, и здесь что-то подобное. А теперь он сидит на своём пепелище и делает вид, что он бог, а вся эта толпа идиотов несёт ему золото. Золото, Карл! Ты видел, сколько там золота?

— Видел, — ответил спутник, и его глаза загорелись алчным огнём. — Там целое состояние. Мешочки, флаконы, свитки... Мы могли бы продать это за такие деньги, что хватило бы на год безбедной жизни.

— Вот именно, — кивнул *Corvus*. — И всё это лежит под открытым небом, охраняемое... кем? Горсткой оборванцев с мотыгами? Да мы справимся с ними за пять минут.

— А старик?

— А что старик? Если он действительно так силён, как говорят, почему он сидит в пепле, а не в золотом дворце? Почему его люди ютятся в землянках, а не в роскошных казармах? Да

потому что он блефует. Вся его сила была в его растениях. А растения сгорели. Все. Я проверял: пепелище стерильно. Там нет ни спор, ни корней, ничего. Только этот чёрный цветок, о котором все говорят. Но цветок — это просто цветок. Может быть, редкий ингредиент. Может быть, последняя мутация. Но он не божество. Он просто растение.

— Так что мы сделаем?

— Мы нанесём визит вежливости, — усмехнулся Corvus. — Сегодня ночью. Пойдём вчетвером. Тихо, без шума. Подберёмся к этому камню-алтарю, заберём самое ценное — и уйдём. Если старик попытается нас остановить — тем хуже для него. Я давно хотел проверить, насколько он силен без своей растительной армии.

Часть 6. Ночные гости

Ночь опустилась на Кровавые поля. Луна, полная и холодная, заливала пепельную пустошь серебристым светом, и в этом свете лагерь «Колхоза» казался заброшенным. Землянки, построенные днём, темнели на фоне пепла, как могильные холмы. Костер догорел, и только несколько углей ещё тлели в золе, отбрасывая слабые, дрожащие тени. Вокруг было тихо — так тихо, что слышно было, как ветер шуршит пеплом, перекатывая его через равнину.

«Вороны» подошли к границе около полуночи. Их было четверо: Corvus, двое его ближайших помощников — игроки с никами Umbra и Sable, специализировавшиеся на скрытности, — и маг по имени Nox, чьи заклинания маскировки делали их почти невидимыми в темноте. Они шли медленно, осторожно, используя каждую складку местности, каждый обломок камня для укрытия. Их доспехи были покрыты сажей, чтобы не отражать лунный свет. Их шаги были бесшумны, как шаги призраков.

Камень-алтарь, который они искали, возвышался над пеплом метрах в ста от лагеря. Даже отсюда было видно, что он завален подношениями. Мешочки с золотом, флаконы с зельями, свитки — всё это сверкало в лунном свете, маня и обещая богатство. Corvus, глядя на это, почувствовал знакомый азарт. Азарт охотника, который видит добычу.

— Чисто, — прошептал Umbra, закончив разведку. — Охраны нет. Старик, видимо, решил, что бояться нечего. Идиот.

— Не расслабляйся, — предупредил Corvus. — Мы не знаем, какие ловушки он мог оставить. Nox, проверь магический фон.

Маг кивнул и, закрыв глаза, сосредоточился. Его заклинание «Чувство магии» позволяло ему видеть ауры активных заклинаний, ловушек, артефактов. Через минуту он открыл глаза и покачал головой.

— Ничего. Вообще ничего. Фон чистый, как в учебной локации. Либо он не ставил ловушек, либо они не магические.

— Тем лучше, — усмехнулся Corvus. — Тогда вперёд. Берём самое ценное и уходим. Без шума.

Они двинулись к камню. Их фигуры, почти невидимые под покровом ночи, скользили по пеплу, не оставляя следов. Corvus шёл первым, сжимая в руках парные кинжалы. Он не ожидал боя, но был готов к нему. Он знал, что даже самый сильный игрок уязвим, если застать его врасплох.

Они подошли к камню. Подношения лежали перед ними, как сокровища из сказки. Золото, зелья, свитки, оружие — всё это было так близко, так доступно. Corvus протянул руку к ближайшему мешочку с золотом.

И в этот момент земля под их ногами ожила.

Это было похоже на внезапное пробуждение спящего зверя. Пепел, который только что был неподвижным и безжизненным, начал двигаться. Сначала медленно, едва заметно — лёгкая рябь, как на воде. Затем быстрее. Затем из-под пепла, во всех направлениях сразу, начали пробиваться корни. Тонкие, извивающиеся, покрытые слизью корни, которые тянулись вверх, к лунному свету, и пульсировали слабым, зеленоватым свечением.

— Что за... — начал Corvus, но договорить не успел.

Корни, вырвавшись из-под земли, обвили его ноги. Он попытался вырваться, рубанул по ним кинжалом, но кинжал, вместо того чтобы перерезать корень, завяз в нём, как в смоле. Корень сжался, и Corvus почувствовал, как его ноги сводит судорогой — не от боли, а от какого-то странного, парализующего холода. Рядом с ним закричал Umbra: его тоже схватили корни, и он, потеряв равновесие, рухнул на землю, подняв облако пепла. Sable, пытавшийся бежать, был схвачен за руку и подвешен в воздухе, как марионетка. Nox, единственный из них, кто ещё мог двигаться, начал читать заклинание — какое-то боевое, огненное, — но корень, вырвавшийся прямо перед ним, ударил его в грудь, сбивая с ног и вышибая дух.

А затем из темноты, со стороны лагеря, раздался голос. Тихий, спокойный, с лёгкой хрипотцой.

— Я же предупреждал.

Corvus, всё ещё пытавшийся вырваться, поднял голову и увидел его. Старика. Того самого, которого весь сервер называл Богом Урожая. Он стоял в нескольких шагах от камня, опираясь на тятку, и смотрел на них. Его лицо, освещённое лунным светом, было спокойным и усталым. В глазах не было ни гнева, ни торжества — только какое-то странное, почти отеческое разочарование.

— Ч-что это? — прохрипел Corvus. — Что это за твари?!

— Это не твари, — ответил Иван Петрович. — Это корни. Молодые, ещё слабые. Они растут здесь с тех пор, как мы посадили первый цветок. Я не знал, что они так реагируют на чужаков. Честно говоря, я вообще не знал, что они ещё живы. Думал, все корни сгорели. А они, оказывается, ушли глубоко. Очень глубоко. В самую сердцевину земли.

Он подошёл ближе и остановился над Corvus\«ом. Тот смотрел на него снизу вверх, и в его глазах, только что полных азарта и самоуверенности, теперь был страх. Настоящий, животный, первобытный страх.

— Ты, наверное, думал, что я блефую, — продолжал Иван Петрович. — Что все эти слухи обо мне — это выдумки. Что моя сила — это просто удача. Думал, что если подкрадёшься ночью, то сможешь обокрасть меня, как какого-то беспомощного пенсионера. Так?

Corvus не ответил. Его горло сдавил спазм — не от корней, а от ужаса.

— Я не блефую, — тихо сказал Иван Петрович. — Я никогда не блефую. Я просто работаю. Сажаю семена. Удобрять землю. Жду урожая. И земля... — он наклонился и приложил ладонь к пеплу, — земля меня слышит. Она не всегда слушается. Иногда она спит. Иногда

бунтует. Но она всегда слышит. И когда кто-то приходит на мою землю с недобрыми намерениями, она... просыпается.

Корни, словно подтверждая его слова, сжались сильнее. Corvus застонал.

— Я не убью тебя, — произнёс Иван Петрович, выпрямляясь. — Я не убиваю без необходимости. Ты не сжёг мои поля. Ты не убил моих людей. Ты просто хотел украсть золото. Это глупо, но это не преступление, за которое нужно карать смертью. Поэтому я тебя отпускаю.

Он взмахнул рукой, и корни, словно повинувшись безмолвному приказу, начали разжиматься. Corvus, шатаясь, поднялся на ноги. Его спутники тоже были отпущены — они стояли, тяжело дыша, и смотрели на старика с тем же выражением ужаса.

— Но запомни, — добавил Иван Петрович, и его голос стал жёстче. — Запомни и расскажи всем, кого знаешь. Эта земля — моя. Я не претендую на остальной сервер. Я не собираюсь захватывать города, убивать игроков или устанавливать свою власть. Но сюда — сюда, на эту выжженную, покрытую пеплом пустошь — не смейте приходить с оружием. Не смейте приходить с жадностью. Не смейте приходить со злом. Потому что земля здесь живая. И она защищает себя сама.

Он повернулся и зашагал обратно в лагерь. Корни, всё ещё шевелившиеся в пепле, медленно, очень медленно начали уходить обратно под землю. Через минуту всё было так же, как прежде: тишина, лунный свет, пепельная пустошь. Только четверо игроков, потрясённых и перепуганных, стояли у камня-алтаря, не в силах пошевелиться.

Corvus смотрел вслед удаляющейся фигуре старика и думал. Думал о том, что он только что увидел. О том, что корни, схватившие его, не были ни магическими, ни механическими. Они были живыми. Они пульсировали, двигались, дышали. И они слушались старика. Не повиновались — именно слушались. Как слушается собака хозяина. Как слушается ребёнок отца.

— Мы уходим, — прохрипел он, поворачиваясь к своим спутникам. — Сейчас же. И забудьте о золоте. Забудьте об этом месте. Забудьте вообще.

— Но... — начал было Umbra.

— Никаких «но»! — рявкнул Corvus. — Ты видел то же, что и я. Этот старик... он не игрок. Он не маг. Он не воин. Он... он что-то другое. Что-то, чего мы не понимаем. И я не хочу это понимать. Я хочу уйти отсюда как можно дальше и никогда не возвращаться.

Они ушли — быстро, почти бегом, не оглядываясь. А в лагере «Колхоза», в своём шалаше, Иван Петрович сидел на куче тряпья и смотрел на чёрный цветок, пульсировавший в темноте.

— Ну что, — тихо сказал он. — Кажется, мы с тобой сработались. Ты защищаешь землю. Я её возделываю. Хороший тандем. Осталось только понять, кто ты такой и откуда взялся.

Цветок, словно в ответ, пульсировал чуть ярче, и его тёмно-багровое свечение на мгновение осветило лицо старика — усталое, изрезанное морщинами, но спокойное. Лицо человека, который знает, что он на своём месте.

Часть 7. Утро нового мира

На следующее утро Иван Петрович проснулся раньше всех. Он вышел из шалаша и остановился, глядя на лагерь. За ночь он изменился. Новоприбывшие, те, что вчера стояли на коленях и молились, теперь, следуя его примеру, взялись за работу. Кто-то уже копал землянки. Кто-то просеивал пепел. Кто-то, под руководством Эйнара, таскал камни для укрепления стен. Работа кипела — не так быстро, как хотелось бы, но всё же кипела.

Иван Петрович подошёл к чёрному цветку. Тот встретил его лёгким покачиванием лепестков, словно приветствуя. Иван Петрович погладил один из них и улыбнулся — впервые за долгое время по-настоящему, открыто, без горечи и усталости.

— Доброе утро, — сказал он. — День будет долгим. Но мы справимся. Мы всегда справлялись.

Он развернулся и зашагал к своим людям. Впереди было много работы. Но это была работа — не война. И это было самое лучшее, что могло с ним случиться.

Глава 2. Политика клубней

Часть 1. Тени у границы

Утро после визита «Воронов» выдалось пасмурным. Тяжёлые, свинцовые тучи, пришедшие с востока, затянули небо над Кровавыми полями, и пепельная пустошь, ещё вчера сверкавшая в лучах солнца, теперь казалась серой и унылой, как старая газета. Ветер, холодный и порывистый, гнал по равнине волны пепла, и тот, поднимаясь в воздух, кружился в медленном, гипнотическом танце, оседая на одежду, на лица, на листья чёрного цветка, который по-прежнему возвышался в центре лагеря, пульсируя своим неизменным тёмно-багровым светом.

Иван Петрович проснулся, как обычно, затемно. Виртуальное тело, привыкшее за эти месяцы к суровым условиям, уже не требовало того комфорта, что был ему привычен в реальной жизни. Он спал на куче тряпья, укрывшись старым плащом, и единственной роскошью, которую он себе позволял, была маленькая глиняная кружка с горячим травяным отваром по утрам. Отвар был горьковатым, с привкусом дыма — Поющая трава, которую он использовал для заварки, всё ещё хранила в себе память о пожаре, — но он всё равно пил его, медленно, маленькими глотками, наслаждаясь теплом, которое разливалось по телу.

Сегодня, однако, насладиться покоем не удалось. Едва он успел сделать первый глоток, как полог его шалаша отдёргнулся, и на пороге возник Рейнджер. Его лицо, обычно невозмутимое, как у каменного истукана, сейчас выражало странную смесь озабоченности и недоумения.

— Агроном, — начал он без предисловий, — у нас гости.

Иван Петрович опустил кружку и посмотрел на следопыта долгим, изучающим взглядом. За те месяцы, что они провели вместе, он научился читать Рейнджера не хуже, чем свою глиняную табличку. Если тот говорил «гости», а не «враги» или «паломники», значит, ситуация была нестандартной.

— Что за гости? — спросил он, отставляя кружку. — Опять молиться пришли? Или дары принесли?

— Ни то, ни другое, — ответил Рейнджер. — Они не молятся и не кланяются. Стоят у границы, у того самого камня, и ждут. Их трое. Одетые не как паломники — как... — он запнулся, подбирая слово, — как дипломаты. Дорогие доспехи, но без гербов. Оружия при них нет, или, по крайней мере, я его не вижу. Они просят аудиенции.

— Аудиенции, — повторил Иван Петрович, пробуя слово на вкус. Оно было чуждым, каким-то... канцелярским. Словно из другого мира. — Как у короля, что ли?

— Как у бога, — тихо поправила его Whisper, сидевшая в углу шалаша. Она, как всегда, не спала, хотя и не подавала признаков бодрствования. Её глаза были закрыты, но лицо, обращённое к выходу, выражало сосредоточенность. — Я слышу их песни. Они не боятся, как те, вчерашние. Они... встревожены. Но не смертельно. Скорее, как люди, которые идут на сложные переговоры и не знают, чем они закончатся.

— Переговоры, — снова повторил Иван Петрович, и на этот раз в его голосе прозвучала едва уловимая нотка интереса. — Это уже интереснее.

Он поднялся, кряхтя и потирая поясницу, и накинул на плечи свой старый, прожжённый во многих местах плащ. Потом взял тяпку — свою неизменную спутницу, которая заменяла ему и посох, и оружие, и символ власти, — и вышел из шалаша.

Лагерь «Колхоза» уже пробуждался. Новоприбывшие, те, что ещё вчера стояли на колёнах и молились на него, теперь, следуя установленному порядку, занимались повседневными делами. Кто-то просеивал пепел, отделяя крупные фракции от мелкой золы. Кто-то, под руководством Эйнара, рыл очередную землянку — третью по счёту, которая должна была стать чем-то вроде общей столовой. Кто-то таскал воду от источника, найденного Рейнджером. Работа кипела, и в этом кипении было что-то успокаивающее. Что-то, что напоминало Ивану Петровичу о довоенных временах, когда его ферма была не крепостью, не полем боя, а просто фермой.

Он кивнул Эйнару, который, завидев его, вопросительно поднял бровь, и в сопровождении Рейнджера и Whispeg направился к восточной границе.

Утро было холодным, и ветер, гулявший над пепелищем, пробирал до костей. Иван Петрович шёл, опираясь на тяпку, и думал. Думал о том, кто мог прислать этих «дипломатов» и зачем. О том, что после падения Пепельной Цитадели и вчерашнего инцидента с «Воронами» новости о его «воскрешении» должны были разлететься по всему серверу. О том, что реакция на эти новости могла быть разной: страх, благоговение, скепсис. Но переговоры? Это было что-то новое.

Наконец они вышли к границе. Здесь, на том месте, где когда-то проходила Стена Плоти, а теперь лежал огромный, плоский валун, ставший алтарём для подношений, стояли трое.

Иван Петрович сразу понял, что Рейнджер не ошибся. Это были не паломники. Не крестьяне, не мародёры, не охотники за головами. Это были профессионалы. Их доспехи — дорогие, но не вычурные, без золотых украшений и светящихся рун — говорили о том, что их владельцы ценят функциональность выше показухи. Их позы — спокойные, расслабленные, но при этом полные скрытого напряжения — говорили о том, что они привыкли к переговорам и знают, как держать себя в руках. Их лица — закрытые, непроницаемые — не выражали ни страха, ни подобострастия. Только холодное, расчётливое ожидание.

Один из них, высокий, худощавый игрок с коротко стриженными седыми волосами и острыми, как у хищной птицы, чертами лица, выступил вперёд и слегка поклонился. Поклон был ровно настолько глубоким, насколько требовала вежливость, — не больше.

— Господин Агроном, — произнёс он, и его голос, спокойный и хорошо поставленный, звучал как голос человека, привыкшего говорить на публике. — Моё имя — Лорд Эшер. Я представляю коалицию гильдий, которые хотели бы обсудить с вами вопрос, представляющий взаимный интерес.

Иван Петрович остановился в нескольких шагах от него и оперся на тяпку. Его лицо, изрезанное морщинами, было спокойным и непроницаемым. Он не торопился отвечать. Вместо этого он достал из кармана горсть семечек — тех самых, что всегда носил с собой, — и начал медленно, с видимым удовольствием, лузгать их, сплёвывая шелуху прямо на пепел.

— Взаимный интерес, — повторил он, когда пауза затянулась достаточно, чтобы Эшер начал нервничать. — Это какой же? Я, видите ли, человек простой. Фермер. Пенсионер. Какие у меня могут быть интересы с... коалицией гильдий?

Эшер, казалось, был готов к такому ответу. Он снова слегка поклонился — на этот раз чуть ниже, — и продолжил:

— Интерес, господин Агроном, заключается в стабильности. В порядке. В том, чтобы сервер, на котором мы все живём, не погрузился в хаос. А он, боюсь, уже на грани. И причина этого хаоса... — он сделал паузу, подбирая слова, — ...связана с вами.

— Со мной? — Иван Петрович удивлённо поднял брови. — Я же вроде никого не трогаю. Сижу тут, на своём пепелище, сажаю морковку. Кому я мешаю?

— Вы не мешаете, — поспешно заверил его Эшер. — Напротив. Вы... как бы это сказать... вы внушаете. Ваша сила, ваша репутация, ваш недавний... конфликт с «Ястребами» — всё это произвело на сервер огромное впечатление. И теперь многие игроки — простые игроки, не члены гильдий — смотрят на вас как на... — он снова запнулся, — ...как на символ. Как на защитника. Как на того, кто может дать им то, чего они хотят больше всего.

— И чего же они хотят? — спросил Иван Петрович, хотя уже догадывался об ответе.

— Порядка, — ответил Эшер. — И еды.

Ветер, гулявший над пепелищем, на мгновение стих, и в наступившей тишине слова Эшера прозвучали особенно весомо.

Иван Петрович перестал лузгать семечки и посмотрел на дипломата долгим, изучающим взглядом. Потом перевёл взгляд на двух его спутников — молчаливых, напряжённых, — и снова на Эшера.

— Значит, порядка и еды, — произнёс он задумчиво. — И ради этого вы пришли сюда? Втроём? Без оружия? Просить меня?

— Не просить, — поправил его Эшер, и в его голосе впервые прозвучала твёрдость. — Предлагать. Лидеры наших гильдий — «Северных Волков», «Зодчих Семи Башен», «Чёрных Грифонов» и других — хотели бы встретиться с вами лично. Чтобы обсудить... условия. Условия, на которых мы могли бы сосуществовать.

Иван Петрович усмехнулся. Усмешка была горькой, но в ней не было злобы.

— Сосуществовать, — повторил он. — Интересное слово. Вы, значит, хотите сосуществовать. А где вы были, когда «Ястребы» жгли мои поля? Где вы были, когда мои люди умирали от голода? Где вы были, когда Архонт объявил награду за мою голову? Сидели по своим углам и ждали, кто победит, чтобы потом прийти к победителю и предложить ему «сосуществование»?

Эшер побледнел. Его спутники, стоявшие позади, напряглись ещё сильнее. Но дипломат не отступил.

— Вы правы, господин Агроном, — сказал он, и его голос, хоть и дрогнул, звучал по-прежнему ровно. — Мы не вмешивались. Мы наблюдали. Мы ждали. Это была ошибка. Мы признаём это. Но сейчас мы здесь. Не для того, чтобы оправдываться, а для того, чтобы попытаться исправить ситуацию. Сервер на грани коллапса. Ваш... «Бабушкин погребок» и другие каналы, через которые вы контролируете поставки продовольствия, взвинтили цены до небес. Еда стала дороже легендарного оружия. Гильдии не могут проводить рейды, потому что без баффов, которые даёт ваша еда, это самоубийство. Простые игроки голодают. PvP-активность упала почти до нуля. Если так продолжится, через месяц сервер превратится в пустыню. И в этой пустыне не будет ни победителей, ни побеждённых. Только мёртвые.

Иван Петрович долго молчал. Он стоял, опираясь на тяпку, и смотрел на Эшера, но мысли его были далеко. Он вспоминал. Вспоминал, как начиналась эта война. Как «Ястребы» впервые напали на его ферму. Как он объявил экономическую блокаду. Как создавал «Бабушкин погребок» и «Аграрный ОПЕК». Всё это было оружием. Оружием, которое он применил, чтобы выжить. И оно сработало. Да так хорошо, что теперь те, кто не участвовал в войне, пришли к нему с просьбой остановиться.

— Ладно, — сказал он наконец, и его голос прозвучал устало. — Я встречу с вашими лидерами. Но на моих условиях. Первое: они приходят без оружия. Без магии. Без охраны. Только сами. Второе: место встречи выбираю я. Третье: если мне что-то не понравится — хоть слово, хоть взгляд, — переговоры заканчиваются. И тогда я уже ничего не гарантирую. Вам ясно?

Эшер, который, казалось, всё это время не дышал, выдохнул с облегчением и кивнул.

— Я передам им ваши условия, господин Агроном. Когда и где?

— Завтра, — ответил Иван Петрович. — В полдень. Здесь, у этого камня. Только пусть не опаздывают. Я ждать не люблю.

Он развернулся и, не прощаясь, зашагал обратно в лагерь. Рейнджер и Whisper последовали за ним. А трое дипломатов остались стоять у камня, глядя им вслед, и на их лицах, непроницаемых и холодных, медленно проступало выражение, похожее на надежду, смешанную с тревогой.

Часть 2. Подготовка к визиту

Весть о том, что «Агроном согласился на переговоры», облетела лагерь «Колхоза» быстрее, чем ветер разносит пепел. Люди, ещё вчера работавшие молча и сосредоточенно, сегодня то и дело отрывались от дел, чтобы переброситься парой слов. Кто-то был взволнован. Кто-то — встревожен. Кто-то — откровенно напуган.

— Переговоры с гильдиями? — переспросил Кривой Нож, когда Иван Петрович вкратце пересказал ему суть разговора с Эшером. — Деда, ты уверен? Это же... это же те самые, которые смотрели, как нас жгут! Они же нас предали! А теперь приходят и просят о чём-то? Да гнать их в шею!

— Не кипятись, — спокойно ответил Иван Петрович, сидя у костра и помешивая прутиком угли. — В политике, парень, нет друзей и врагов. Есть только интересы. Когда-то их интерес был в том, чтобы не вмешиваться. Теперь их интерес в том, чтобы договориться. Это не хорошо и не плохо. Это просто факт.

— Но ты же не собираешься им помогать? — не унимался Кривой Нож. — После всего, что они... вернее, чего они не сделали?

— Помогать? — Иван Петрович усмехнулся. — Я собираюсь их выслушать. А там посмотрим. Может, и помогу. А может, и нет. Всё зависит от того, что они предложат.

Он отложил прутик и поднялся.

— А пока — за работу. У нас землянка не докопана, а ты тут политические диспуты разводишь. Марш на стройку.

Кривой Нож, всё ещё кипящий от возмущения, но вынужденный подчиниться, отправился к Эйнару. Иван Петрович проводил его взглядом и повернулся к Whisper, которая, как всегда, сидела рядом, закутавшись в свой старый плащ.

— Что думаешь? — спросил он её.

— Я слышала его песню, — ответила она, имея в виду Эшера. — Он боится. Но не тебя. Он боится того, что будет, если вы не договоритесь. Его страх — настоящий. И он не врёт, когда говорит о хаосе. Сервер действительно на грани. Я слышу это в голосах. Тысячи голосов, полных тревоги. Они ждут. Ждут, что решишь ты.

— Я, — горько усмехнулся Иван Петрович. — Как будто я царь или бог. А я всего лишь старик, который хочет, чтобы его оставили в покое и дали сажать морковь.

— Ты — не просто старик, — тихо сказала Whisper. — Ты — тот, кто может дать им то, чего они хотят. Порядок. Стабильность. Еду. Ты можешь отказаться. Но тогда хаос продолжится. И в этом хаосе погибнет много людей. Не врагов — просто людей. Тех, кто не участвовал в войне. Тех, кто просто хочет жить. Ты готов взять на себя эту ответственность?

Иван Петрович долго молчал. Он смотрел на чёрный цветок, возвышавшийся в центре лагеря, и думал. Думал о том, что Whisper, как всегда, права. Она видела — вернее, слышала — то, чего не видел он. Истину, скрытую за словами и жестами. Истину, которая была проста и страшна одновременно: он больше не мог быть просто фермером. Он стал символом. Легендой. Божеством. И теперь, нравилось ему это или нет, он должен был нести ответственность. За тех, кто боялся. За тех, кто надеялся. За тех, кто ждал.

— Ладно, — сказал он наконец. — Посмотрим, что они предложат. А пока — нужно подготовиться.

Подготовка заняла остаток дня. Иван Петрович, наученный горьким опытом, не собирался доверять гильдиям на слово. Он знал: даже если лидеры придут без оружия, это не значит, что они не попытаются его обмануть. Поэтому он приказал Рейнджеру усилить наблюдение за границами. Эйнару — подготовить отряд на случай, если переговоры пойдут не по плану и гильдии решат, что проще убить «Агронома», чем договариваться с ним. Кривому Ножу — проверить все ловушки, оставшиеся от прежних времён (корни-удавки, которые ушли глубоко под землю, всё ещё были живы и могли быть активированы в случае опасности).

Сам же Иван Петрович занялся тем, что умел лучше всего: он работал. Не готовил пламенных речей, не продумывал стратегию переговоров, не репетировал грозные взгляды. Он просто возделывал землю. Вместе с новоприбывшими крестьянами он просеивал пепел, смешивал его с принесённой из леса землёй, сажал семена — те немногие, что ещё оставались у него в запасах. Работа успокаивала его. Она напоминала ему о том, кто он такой на самом деле. Не бог, не символ, не легенда. Фермер. Человек, который любит землю и умеет с ней обращаться.

К вечеру, когда солнце, багровое и огромное, начало клониться к закату, он закончил последнюю грядку и, усталый, но довольный, сел на обломок старого жернова — тот самый, что нашёл в первый день после возвращения. Рядом с ним, как всегда, сидела Whisper.

— Завтра решится многое, — тихо сказала она.

— Решится, — согласился Иван Петрович.

— Ты знаешь, что скажешь им?

— Понятия не имею, — честно ответил он. — Я вообще не планирую говорить. Я планирую слушать. А там — как пойдёт. Если они хотят порядка — пусть предлагают условия. А я подумаю, соглашаться или нет.

Whisper улыбнулась — той самой, едва заметной улыбкой, которая всегда появлялась на её лице, когда она слышала что-то, что ей нравилось.

— Ты справишься, — сказала она. — Я знаю.

Иван Петрович ничего не ответил. Он смотрел на закат — такой же багровый, как и всегда, — и думал. Думал о том, что завтрашний день может изменить всё. Не только его жизнь, но и жизнь всего сервера. И от этой мысли ему было немного не по себе. Но он не боялся. Он просто был готов. Готов ко всему.

Часть 3. Совет лидеров

Тем временем, в далёком Артариуме, в одной из частных комнат, арендованных гильдией «Северные Волки» для своих нужд, собрался совет лидеров. Это было мрачное, обшитое тёмным деревом помещение, освещённое лишь несколькими магическими кристаллами, которые отбрасывали на стены дрожащие тени. В центре комнаты стоял длинный дубовый стол, за которым сидели (или стояли, нервно расхаживая взад-вперёд) самые влиятельные люди сервера.

Здесь был лорд Эшер, который только что вернулся с переговоров и теперь докладывал о результатах. Рядом с ним, скрестив руки на груди, стояла леди Изабелла, глава «Зодчих Семи Башен» — высокая, статная женщина в строгом, почти монашеском одеянии, чьё лицо, красивое и холодное, не выражало никаких эмоций. Напротив неё, развалившись в кресле, сидел Гаррет, лидер «Чёрных Грифонов», — коренастый, широкоплечий воин с грубыми, словно вырубленными из камня чертами лица. Его глаза, маленькие и злые, сверкали из-под густых бровей, а пальцы нетерпеливо барабанили по подлокотнику. Четвёртым был мастер Юджин, глава гильдии ремесленников «Молот и Наковальня», — невысокий, сутулый человек в очках, которые совершенно не вписывались в фэнтезийный антураж «Артары», но были его личной причудой. Он нервно теребил край своей мантии и, казалось, чувствовал себя крайне неудобно.

— Итак, — произнёс лорд Эшер, заканчивая свой доклад, — он согласился. Встреча завтра в полдень, у камня на границе. Условия: мы приходим без оружия, без магии, без охраны. Только лидеры.

— Без охраны? — взорвался Гаррет, ударив кулаком по столу. — Ты что, спятил? Мы пойдём в логово этого... этого монстра... вчетвером, как овцы на заклание? Да он нас там и похоронит!

— Тише, Гаррет, — холодно произнесла леди Изабелла. — Криком делу не поможешь. Если бы он хотел нас убить, он бы уже сделал это. Ты видел запись падения Цитадели. Ты читал отчёты о «Воронах». У него есть средства уничтожить нас, не выходя из своего шалаша. Но он этого не сделал. Он согласился на переговоры. Значит, ему что-то нужно.

— Или он просто играет с нами, как кошка с мышами, — проворчал Гаррет, но уже тише.

— Не думаю, — вмешался мастер Юджин, поправляя очки. — Я анализировал его действия на протяжении всей войны. Он не садист. Он прагматик. Каждое его действие — даже самое жестокое, как «Картофельная чума», — было продиктовано необходимостью. Он не убивает ради удовольствия. Он убивает, чтобы защитить себя и свою землю. И сейчас, когда его земля в безопасности, у него нет причин убивать нас. По крайней мере, без причины.

— Причина может появиться, — заметил лорд Эшер. — Если мы поведём себя глупо. Если попытаемся ему угрожать. Если дадим ему повод думать, что мы — новая угроза. Поэтому наша задача — убедить его в обратном. Убедить, что мы пришли с миром. Что мы хотим не войны, а... порядка.

— Порядка, — горько усмехнулась леди Изабелла. — Мы, лидеры сильнейших гильдий сервера, идём на поклон к старику-фермеру, чтобы просить у него порядка. До чего мы докатились.

— Мы докатились до того, что этот «старик-фермер» в одиночку уничтожил армию, с которой мы не решились сражаться, — жёстко ответил лорд Эшер. — И давайте будем честны: мы здесь не потому, что хотим порядка. Мы здесь потому, что боимся. Боимся, что он продолжит свою экономическую войну. Боимся, что его монополия на еду разрушит наши гильдии. Боимся, что следующими после «Ястребов» станем мы. И этот страх — не слабость. Это инстинкт самосохранения. И если мы хотим выжить, мы должны признать: он сильнее. И с этой силой нужно считаться.

В комнате повисла тишина. Слова Эшера, жёсткие и бескомпромиссные, повисли в воздухе, как приговор. Гаррет, всё ещё кипящий от гнева, но вынужденный признать правоту дипломата, молча устался в стол. Леди Изабелла, сохраняя ледяное спокойствие, о чём-то напряжённо думала. Мастер Юджин нервно теребил очки.

— Чего он хочет? — спросил наконец Гаррет, не поднимая головы. — Ты говорил с ним. Чего он хочет?

— Я не знаю, — честно ответил лорд Эшер. — Он не сказал. Но я знаю, чего он не хочет. Он не хочет войны. Он не хочет власти над сервером. Он не хочет, чтобы ему поклонялись. Он хочет... — Эшер запнулся, подбирая слова, — ...чтобы его оставили в покое. Чтобы ему не мешали возделывать его землю. Всё остальное — политика, экономика, альянсы — его, кажется, не интересует.

— Тогда зачем он вообще согласился на встречу? — спросила леди Изабелла.

— Думаю, потому, что он устал, — ответил Эшер. — Устал от войны, от хаоса, от паломников, которые молятся на него, как на икону. Он хочет тишины. И он понимает, что тишина возможна только тогда, когда есть порядок. А порядок возможен только тогда, когда есть правила. И он, возможно, готов эти правила установить. Не потому, что жаждет власти. А потому, что это единственный способ вернуться к своим грядкам.

Лидеры переглянулись. В их глазах, только что полных тревоги и сомнений, начал загораться огонёк надежды. Если Эшер прав, если Агроном действительно не стремится к безграничной власти, то договориться с ним можно. Нужно только предложить ему то, что он хочет. И принять его условия, какими бы жёсткими они ни были.

— Хорошо, — произнесла наконец леди Изабелла, поднимаясь. — Завтра мы встретимся с ним. Все вчетвером. Без оружия. Без магии. И мы предложим ему сделку. Сделку, от которой он не сможет отказаться.

— А если он откажется? — спросил мастер Юджин.

— Тогда, — леди Изабелла холодно улыбнулась, — мы будем вынуждены искать другие пути. Но я надеюсь, что до этого не дойдёт.

Она направилась к выходу. Остальные, поколебавшись, последовали за ней. Совет был окончен. Впереди был день, который мог изменить всё.

Часть 4. Пенёк и тени

Полдень следующего дня выдался на удивление ясным. Тучи, которые всю ночь и всё утро висели над Кровавыми полями, разошлись, и солнце, холодное, но яркое, заливало пепельную пустошь серебристым светом. Ветра почти не было, и пепел, лежавший на земле, был неподвижен, как вода в застывшем пруду. Стояла та особенная, звенящая тишина, которая бывает только зимой или на выжженной земле, где не поют птицы и не шелестит листва.

Иван Петрович ждал их на том самом месте, где вчера встречался с лордом Эшером. Он сидел не на камне-алтаре, который всё ещё был завален подношениями, а на старом, обугленном пне, который он приказал притащить сюда специально для этого случая. Пень был неудобным, корявым, и сидеть на нём было жёстко, но Иван Петрович нарочно выбрал именно его. Он не хотел создавать впечатление, что принимает гостей, как король на троне. Он хотел, чтобы они видели: он — такой же, как они. Вернее, почти такой же. Только у него есть пень, а у них нет.

Одет он был в свою обычную, рабочую одежду: старый, прожжённый плащ, грубые штаны, заправленные в сапоги, и неизменную соломенную шляпу, которую он никогда не снимал. Рядом с ним, прислонённая к пню, стояла тятка. Его единственное оружие. Его скипетр. Его символ.

Чуть позади, на почтительном расстоянии, сидела на корточках Whisper, закутавшись в свой плащ. Её присутствие было негласным условием: она — его глаза и уши, его детектор лжи, его безмолвный страж. Лидеры гильдий, конечно, заметили её, но ничего не сказали. Они понимали: спорить с условиями Агронома — себе дороже.

И вот наконец на горизонте, со стороны восточных холмов, показались четыре фигуры.

Они шли медленно, с той особой, напряжённой осторожностью, с какой ходят люди, входящие в клетку к хищнику. Без оружия, как и было условлено. Без магии — Whisper, прислушавшись к их аурам, подтвердила это. Без охраны. Только четверо лидеров, представлявших самые могущественные гильдии сервера.

Первым шёл лорд Эшер, как и вчера, — высокий, худощавый, с непроницаемым лицом дипломата. За ним — леди Изабелла, глава «Зодчих Семи Башен», в своём строгом, тёмно-синем одеянии, больше похожая на аббатису, чем на лидера одной из богатейших гильдий. Следом — Гаррет, лидер «Чёрных Грифонов», коренастый и мрачный, с лицом, которое, казалось, никогда не знало улыбки. И последним — мастер Юджин, глава «Молота и Наковальни», нервно оглядывающийся по сторонам и то и дело поправляющий свои нелепые очки.

Они подошли и остановились в нескольких шагах от пня. Иван Петрович, не вставая, оглядел их с ног до головы. Его взгляд был спокойным, даже ленивым, как у сытого кота, наблюдающего за мышами. В руке он держал горсть семечек и, не переставая, лузгал их, сплёвывая шелуху прямо на пепел.

— Ну, здравствуйте, — произнёс он наконец, и его голос, хрипловатый и спокойный, разнёсся в тишине. — Добрались, значит. Не заблудились?

— Благодарим вас, господин Агроном, за согласие встретиться с нами, — начал лорд Эшер, слегка поклонившись. — Мы понимаем, что вы — человек занятой, и ценим ваше время.

— Занятой, — усмехнулся Иван Петрович. — Это точно. У меня, знаете ли, грядки не политы, пепел не просеян, землянка не докопана. Работы — непочатый край. А тут вы. С какими-то предложениями. Ну да ладно, раз уж пришли — говорите. Только давайте без этих ваших дипломатических реверансов. Говорите прямо, чего надо. Я человек простой, намёков не понимаю.

Лидеры переглянулись. Такой прямоты они, видимо, не ожидали. Леди Изабелла, взяв себя в руки, выступила вперёд и заговорила — спокойно, чётко, как на совете директоров:

— Господин Агроном, мы представляем гильдии, которые контролируют значительную часть экономики и военной силы этого сервера. Мы не участвовали в войне против вас. Мы не поддерживали «Ястребов». Но мы видим последствия этой войны. И эти последствия нас тревожат.

— Тревожат, — повторил Иван Петрович, сплёвывая шелуху. — Это какие же?

— Хаос, — коротко ответил Гаррет, выступая вперёд. Его голос, грубый и резкий, контрастировал с изысканной речью леди Изабеллы. — Вы создали монополию на еду. Ваш «Бабушкин погребок» и другие подставные организации скупили почти всю органику на сервере. Цены взлетели втрое. Баффы, которые даёт ваша еда, стали доступны только избранным. Рейды срываются. Солдаты голодают. PvP-активность упала. Если так продолжится, через месяц ни у одной гильдии не останется боеспособного состава. Все разбегутся.

— И что с того? — спокойно спросил Иван Петрович. — Мне-то какое дело до ваших солдат и ваших рейдов? Вы за меня не вступались, когда меня жгли. С чего бы мне за вас вступаться?

Гаррет побагровел и, казалось, готов был взорваться, но леди Изабелла остановила его, положив руку на плечо.

— Вы правы, господин Агроном, — сказала она, и её голос, холодный и ровный, звучал как отточенный клинок. — Мы не вступались. Мы ждали. Мы думали, что это не наша война. Мы ошиблись. И теперь мы здесь, чтобы признать эту ошибку и предложить вам... компенсацию.

— Компенсацию? — Иван Петрович поднял брови. — Это какую же? Золото? Оружие? Артефакты? Не надо мне вашего золота. У меня его и так девать некуда. Вон, — он махнул рукой в сторону камня-алтаря, где грудой лежали подношения, — целый склад. Берите, если хотите. Мне оно без надобности.

— Мы не о золоте, — поспешно вмешался лорд Эшер. — Мы о другом. Мы хотим предложить вам... партнёрство.

— Партнёрство, — повторил Иван Петрович, и в его голосе прозвучала насмешка. — Вы, значит, будете моими партнёрами? И что же вы мне предложите в обмен на мою... — он сделал паузу, — ...на мою еду?

— Порядок, — ответил мастер Юджин, впервые за всё время подав голос. Он говорил тихо, но его слова, усиленные тишиной, прозвучали весомо. — Мы предлагаем вам порядок. Вы — фермер. Вы хотите, чтобы вас оставили в покое и дали возделывать землю. Мы можем это обеспечить. В обмен на стабильные поставки продовольствия по фиксированным ценам мы гарантируем вам абсолютную неприкосновенность. Никто — ни одна гильдия, ни один игрок — не посмеет напасть на вашу землю или на ваших людей. Мы объявим ваши владения нейтральной территорией. Мы создадим... — он запнулся, подбирая слова, — ...«Аграрный ОПЕК». Организацию, которая будет регулировать производство и распределение еды на сервере. И вы, господин Агроном, станете её главой.

Иван Петрович перестал лугать семечки. Он смотрел на мастера Юджина — на этого невысокого, сутулого человека в нелепых очках, — и в его глазах, только что бывших насмешливыми, теперь читался интерес. Не жадность. Не жажда власти. А именно интерес. Интерес учёного, который наткнулся на неожиданную формулу. Интерес агронома, который увидел новый сорт растения.

— «Аграрный ОПЕК», — произнёс он задумчиво. — Интересное название. Это вы сами придумали?

— Я, — признался мастер Юджин, и в его голосе прозвучала гордость. — Я изучал экономические модели. Аналоги вашей... ситуации. Исторические прецеденты. И пришёл к выводу, что единственный способ избежать хаоса — это создать регулирующий орган. Картель. Который будет контролировать цены и объёмы производства.

— Картель, — усмехнулся Иван Петрович. — Звучит-то как. Солидно. А скажите мне, мастер Юджин, кто будет устанавливать эти самые цены и объёмы? Вы? Ваши лидеры? Или, может быть, этот ваш... совет гильдий?

— Цены и объёмы, — твёрдо ответил мастер Юджин, — будете устанавливать вы. Только вы. Потому что только вы контролируете производство. Только у вас есть семена, способные давать баффы нужного уровня. Мы этого не умеем. Мы можем только потреблять то, что производите вы. Поэтому условия диктуете вы. Мы лишь просим о том, чтобы эти условия были... стабильными. Предсказуемыми. Чтобы мы могли планировать свои рейды, свои ресурсы, свои войны. Не опасаясь, что завтра цены на хлеб взлетят до небес, а послезавтра еда вообще исчезнет.

Иван Петрович долго молчал. Он смотрел на мастера Юджина, на леди Изабеллу, на Гаррета, на лорда Эшера. На этих людей, которые ещё недавно были властителями мира, а теперь стояли перед ним, как просители. Нет, не как просители — как партнёры. Как люди, которые пришли не с угрозами, а с предложением. Предложением, которое было ему интересно.

— Значит, — произнёс он наконец, — вы хотите, чтобы я стал вашим... как бы это сказать... министром сельского хозяйства?

— Если угодно, — кивнул лорд Эшер. — Называйте это как хотите. Суть от этого не меняется. Вы контролируете еду. Мы контролируем всё остальное. Вместе мы можем создать систему, которая будет работать. Которая принесёт пользу всем. И вам, и нам, и простым игрокам, которые сейчас голодают.

— Простые игроки, — повторил Иван Петрович, и в его голосе прозвучала горечь. — Вы о них вспомнили. А когда ваши гильдии устраивали PvP-рейды на новичков, вы о них помнили? Когда вы взвинчивали цены на оружие и артефакты, вы о них думали? Когда вы смотрели, как «Ястребы» жгут мои поля, вы переживали о простых игроках?

Лидеры потупились. Гаррет что-то проворчал себе под нос, но осёкся под взглядом леди Изабеллы.

— Я вас не осуждаю, — продолжал Иван Петрович, поднимаясь с пня. — Вы — такие, какие есть. Вы играете по правилам этого мира. И я играл по тем же правилам. Но сейчас вы пришли ко мне и просите меня изменить эти правила. Сделать их более... справедливыми. Что ж, я, пожалуй, соглашусь. Но на моих условиях.

Он обвёл взглядом лидеров и начал говорить — медленно, весомо, как будто каждое слово было камнем, который он укладывал в фундамент будущего здания.

— Первое. Еда. Я буду устанавливать цены. Не рыночные. Фиксированные. Ниже, чем сейчас. Значительно ниже. Еда не должна быть роскошью. Еда — это основа. Без неё не могут ни воины, ни маги, ни ремесленники. Поэтому цены будут такими, чтобы любой игрок, даже самого низкого уровня, мог позволить себе купить хлеба. Это понятно?

Лидеры закивали. Мастер Юджин даже сделал пометку в своём блокноте, который извлёк из складок мантии.

— Второе. Неприкосновенность. Моя земля — это моя земля. Никто не входит сюда без моего разрешения. Никто не нападает на моих людей. Никто не пытается украсть мои семена или мои технологии. Если хоть одна гильдия нарушит это правило — поставки еды прекращаются. Для всех. Это коллективная ответственность. Вы будете следить друг за другом. И если кто-то захочет меня обмануть, вы сами его остановите. Потому что иначе пострадают все.

— Это жёстко, — тихо произнёс Гаррет. — Но справедливо. Мы согласны.

— Третье. Информация, — продолжал Иван Петрович. — Я должен знать, что происходит на сервере. Не для того, чтобы вмешиваться. Для того, чтобы быть готовым. Если где-то зреет угроза — я должен узнать о ней раньше, чем она постучится в мои ворота. Поэтому на границах ваших гильдий, в ваших замках, в ваших тренировочных лагерях — я посажу свои глаза и уши. «Глаз-траву» и «Ухо-траву». Они не будут мешать вам жить. Они просто будут смотреть и слушать. И передавать мне то, что увидят и услышат. Это моё условие. Без него я не могу гарантировать безопасность.

На этот раз лидеры заколебались. Допустить шпионов Агронома в свои владения — это было серьёзным ударом по их гордости. Но леди Изабелла, подумав, кивнула.

— Мы согласны. При условии, что эта информация не будет использована против нас без причины.

— Я не даю гарантий, — честно ответил Иван Петрович. — Если вы замыслите против меня что-то недоброе — я узнаю. И тогда я отвечу. Но если вы будете соблюдать договор — вам нечего бояться.

— Четвёртое, — продолжал он, и его голос стал ещё твёрже. — Ресурсы. Я понимаю, что одной еды мало. Чтобы восстановить мою ферму, мне нужны материалы. Дерево, камень, металл, магические компоненты. Вы, лидеры гильдий, обеспечите меня ими. Это не дань. Это инвестиция. Вы вкладываете в мою ферму, чтобы она могла производить больше еды для вас же. Это в ваших интересах.

— Логично, — кивнул мастер Юджин, продолжая делать пометки. — Разумное вложение.

— И наконец, пятое, — Иван Петрович сделал паузу, обводя лидеров взглядом. — Никакого поклонения. Никаких алтарей. Никаких молитв. Я не бог. Я не демон. Я не дух урожая. Я — агроном. Фермер. Пенсионер. Если я узнаю, что кто-то строит в мою честь храмы или вырезает моих идолов, — я лично приду и разнесу этот храм по камешку. Понятно?

Лидеры, не сговариваясь, закивали. Даже Гаррет, который, казалось, был готов спорить со всеми, на этот раз промолчал.

— Вот мои условия, — подвёл итог Иван Петрович. — Они не обсуждаются. Либо вы принимаете их все, целиком, либо мы расстаёмся прямо сейчас, и каждый возвращается к своим делам. Вы — к своему хаосу. Я — к своим грядкам. Решайте.

Лидеры переглянулись. Лорд Эшер, леди Изабелла, Гаррет, мастер Юджин — все они, казалось, общались без слов, на том уровне взаимопонимания, который доступен только людям, долгое время работавшим вместе. Затем лорд Эшер, как глава делегации, выступил вперёд и поклонился — на этот раз по-настоящему, низко, как кланяются перед королями.

— Господин Агроном, — произнёс он, и в его голосе звучало уважение, — мы принимаем ваши условия. Все, без исключения.

Иван Петрович кивнул. Его лицо, изрезанное морщинами, было спокойным, но в глубине глаз мелькала искорка удовлетворения. Не торжества — именно удовлетворения. Удовлетворения человека, который сделал трудную, но необходимую работу.

— Тогда, — сказал он, — добро пожаловать в «Аграрный ОПЕК». Заседания — раз в неделю, по четвергам. Явка обязательна. Опоздания не приветствуются. А теперь — извините, мне надо идти. У меня грядки не политы.

Он развернулся и, опираясь на тятку, зашагал обратно в лагерь. Whisper, поднявшись со своего места, последовала за ним. Четыре лидера, оставшиеся у камня-алтаря, смотрели ему вслед, и на их лицах — таких разных, таких непохожих — было одно и то же выражение. Облегчение. Страх. И уважение. Огромное, как само небо, уважение к старику, который только что, сидя на пеньке и лужгая семечки, переключил политическую карту сервера.

Часть 5. Вечерний разговор

Вечер опустился на Кровавые поля. Солнце, багровое и огромное, садилось за холмы, и его последние лучи окрашивали пепельную пустошь в знакомые, тревожные тона. Но сегодня этот багрянец не казался ни символом надежды, ни цветом пролитой крови. Он был просто цветом. Цветом заката. Цветом окончания долгого, трудного дня.

Иван Петрович сидел на обломке старого жернова, который стал его любимым местом для размышлений, и смотрел на чёрный цветок. Цветок, как всегда, пульсировал своим тёмно-багровым светом, и в его пульсации было что-то успокаивающее. Что-то, что напоминало о том, что жизнь продолжается, несмотря ни на что.

Рядом с ним сидела Whisper, закутавшись в свой неизменный плащ. Она не говорила — она просто слушала. Слушала, как затихает лагерь. Как люди, закончившие дневные труды, собираются у костров. Как тихо потрескивают угли в очаге. И как звучит «песня» её дедушки — низкая, ровная, но уже не такая напряжённая, как раньше.

— Ты сделал это, — тихо сказала она наконец. — Ты создал порядок.

— Я создал картель, — горько усмехнулся Иван Петрович. — Не велика честь. Картель — это не порядок. Это просто... способ избежать хаоса. Временный. Как костыль для хромого. Рано или поздно костыль уберут, и тогда хромой либо научится ходить, либо упадёт.

— Ты не веришь, что это сработает?

— Я не знаю, — честно ответил он. — В политике я никогда не был силён. Я агроном. Я знаю, как сажать семена. Как удобрять землю. Как собирать урожай. А всё это... — он махнул рукой в сторону границы, где ещё недавно стояли лидеры гильдий, — ...это не моё. Я не хочу быть политиком. Не хочу быть лидером. Не хочу быть богом. Я хочу просто возделывать свою землю. Но...

Он замолчал, подбирая слова.

— Но мир, в котором я живу, не даёт мне этого сделать, — закончила за него Whisper. — Поэтому ты вынужден быть политиком. Чтобы тебя оставили в покое, ты должен контролировать тех, кто может тебя потревожить. Это замкнутый круг.

— Именно, — кивнул Иван Петрович. — Замкнутый круг. Я думал, что, уничтожив «Ястребов», я обрету покой. Но покой не пришёл. Пришли паломники. Пришли «Вороны». Пришли лидеры гильдий. Я стал не просто фермером — я стал центром. Точкой, вокруг которой вращается весь сервер. И теперь, если я сделаю неверный шаг, всё рухнет. Не только моя ферма — всё.

Он помолчал, глядя на цветок.

— Знаешь, что самое смешное? — спросил он. — Я ведь когда-то именно этого и хотел. Когда я только начинал, когда меня убивали ганкеры и жгли мои поля, я мечтал о том, чтобы меня боялись. Чтобы меня уважали. Чтобы никто не смел угрожать мне или моим людям.

Я добился этого. Я заставил весь сервер бояться меня. И что в итоге? Я сижу на пепелище, которое когда-то было моим домом, и смотрю на цветок, который я не могу понять. А где-то там, — он махнул рукой в сторону горизонта, — тысячи игроков ждут моего решения. Ждут, что я скажу им, как жить дальше. И я... я не знаю, что им сказать.

Whisper положила руку ему на плечо. Её пальцы, тонкие и холодные, слегка дрожали — не от холода, а от волнения.

— Ты уже сказал им, — произнесла она. — Ты сказал им правду. Что ты — не бог. Что ты — просто фермер. Что ты хочешь, чтобы тебя оставили в покое. И они услышали тебя. Они приняли твои условия. Теперь всё зависит от них. От того, смогут ли они жить по этим правилам. Ты сделал всё, что мог. Остальное — не твоя забота.

Иван Петрович долго молчал. Потом вздохнул и поднялся.

— Ладно, — сказал он. — Пора спать. Завтра будет новый день. И новые заботы.

Он направился к своему шалашу, но на полпути остановился и обернулся к Whisper:

— Спасибо тебе.

— За что?

— За то, что ты рядом. За то, что ты слушаешь. За то, что ты говоришь мне правду, даже когда мне не хочется её слышать. Ты — мой якорь. Без тебя я бы, наверное, давно уже сошёл с ума.

Whisper улыбнулась — той самой, едва заметной улыбкой, которая всегда появлялась на её лице, когда она слышала что-то, что ей нравилось.

— Ты бы не сошёл с ума, — ответила она. — Ты слишком упрям для этого.

Иван Петрович усмехнулся и скрылся в шалаше. Whisper осталась сидеть у цветка, слушая, как ночь опускается на Кровавые поля. И где-то вдалеке, на границе бывших владений «Ястребов», пульсировал в темноте камень-алтарь, всё ещё заваленный подношениями. Но теперь это были не дары испуганных паломников. Теперь это была плата. Плата за порядок. Плата за мир.

Часть 6. Новая реальность

Следующие несколько дней прошли в непрерывной работе. Иван Петрович, как и обещал, не стал вмешиваться в дела гильдий сверх необходимого. Он не диктовал им, как жить, не требовал отчётов, не навязывал свою волю. Он просто делал то, что умел: возделывал землю. А земля, в свою очередь, делала то, что умела она: давала урожай.

Паломники, приходившие к границе, постепенно превратились в рабочих. Те, кто вчера стоял на коленях и молился, сегодня, под руководством Эйнара и Кривого Ножа, просеивали пепел, таскали воду, рыли каналы для полива. Они работали молча, сосредоточенно, но без страха. Они больше не боялись Ивана Петровича. Они ему доверяли. И это доверие было дороже любого золота.

Гильдии, подписавшие договор (в чатах его уже окрестили «Кодексом Урожая»), начали поставлять ресурсы. Караваны с древесиной из северных лесов, с металлом из шахт «Молота и Наковальни», с магическими компонентами из хранилищ «Зодчих» — всё это текло на пепелище непрерывным потоком. Иван Петрович, глядя на эти караваны, чувствовал странное удовлетворение. Не от того, что ему везут богатства, — богатства его не интересовали. А от того, что система заработала. Что его условия, какими бы жёсткими они ни были, оказались приемлемыми для всех.

Лорд Эшер, ставший чем-то вроде постоянного представителя коалиции, навещался к нему каждые несколько дней. Они сидели на том же пне, где проходили переговоры, и обсуждали текущие дела. Эшер докладывал о ситуации на сервере: о том, что PvP-активность начала восстанавливаться, что цены на еду стабилизировались, что голодные бунты, вспыхнувшие было в нескольких городах, сошли на нет. Иван Петрович слушал, кивал, задавал вопросы. Он не вмешивался, но он был в курсе. И это знание давало ему спокойствие.

— Знаете, господин Агроном, — сказал однажды Эшер после очередного такого доклада, — я много лет занимаюсь политикой. Я видел десятки лидеров — королей, генералов, глав гильдий. Но я никогда не видел такого, как вы.

— Какого же? — спросил Иван Петрович, лузгая семечки.

— Вы не хотите власти, — ответил Эшер. — Вы её избегаете. И именно поэтому она сама идёт к вам в руки. Парадокс. Все, кого я знал, рвались к власти, боролись за неё, убивали за неё. А вы сидите на пеньке, лузгаете семечки и даже не пытаетесь командовать. И при этом вы — самый могущественный человек на сервере. Как вам это удаётся?

Иван Петрович усмехнулся.

— Я не знаю, — честно ответил он. — Я просто делаю своё дело. Сажаю морковь. Удобряю грядки. Слушаю землю. А всё остальное... — он махнул рукой, — ...всё остальное прилагается.

Эшер покачал головой, словно не в силах поверить в услышанное, но ничего не сказал. Он попрощался и ушёл, оставив Ивана Петровича одного.

А Иван Петрович остался сидеть на пеньке, глядя на закат. Солнце, багровое и огромное, садилось за холмы, и его лучи окрашивали небо в тревожные, но уже привычные тона. В лагере за его спиной кипела жизнь: стучали молотки, скрипели телеги, звучали голоса. Его ферма — его новая ферма, рождённая из пепла, — росла и развивалась. И он, Иван Петрович, был её центром. Её сердцем. Её душой.

— Бог Урожая, — пробормотал он себе под нос, и в его голосе не было ни горечи, ни насмешки. Только усталое, спокойное принятие. — Надо же. А ведь когда-то я просто хотел сажать морковь.

Он поднялся и, опираясь на тятку, зашагал к своему шалашу. Впереди был новый день. Новые заботы. Новые планы. Впереди была жизнь.

И где-то там, за холмами, за лесами, за городами, тысячи игроков — воинов, магов, ремесленников, крестьян — жили своей жизнью, не подозревая, что их судьбы решаются здесь, на пепелище, в голове усталого старика с тяткой. Но он знал. Он чувствовал это. И он был готов нести эту ношу. Потому что больше нести её было некому.

Конец главы.

Глава 3. Монополия

Часть 1. Кровь на тракте

Солнце над Кровавыми полями в тот день висело низкое, тяжёлое, словно налитое свинцом. Оно не грело — лишь окрашивало пепельную пустошь в тусклые, болезненно-жёлтые тона. Ветра не было уже которую неделю, и мелкая взвесь золы, поднимаемая каждым шагом, висела в воздухе неподвижным облаком, оседая на одежду, на лица, на листья чёрного цветка, который по-прежнему возвышался в центре лагеря, пульсируя своим неизменным тёмно-багровым светом. Цветок стал чем-то вроде ориентира — его было видно за много сотен метров, и даже те, кто никогда не приближался к владениям Агронома, знали: там, где пульсирует этот свет, заканчивается обычный мир и начинается нечто иное. Нечто, чему ещё не придумали названия.

Иван Петрович работал с самого рассвета. Он стоял на коленях в пепле, на краю нового поля — того самого, что они с новоприбывшими крестьянами разбили на южном склоне, ближе к бывшей реке. Земля здесь была чуть лучше, чем в других местах: река, пока её не выжиг Священный Огонь, веками наносила сюда ил, и теперь, смешанный с пеплом, он давал некое подобие плодородного слоя. Тонкого, капризного, но всё же живого. Иван Петрович высаживал в него семена — те самые, что прислали гильдии в качестве первого взноса по договору «Аграрного ОПЕК». Семена были хорошие: пшеница, морковь, даже несколько зёрен тыквы, которые он принял с особой благодарностью. Тыквы всегда были его любимицами — правда, теперь он сажал их не для мин, а для супа.

Рядом с ним, на корточках, сидел Кривой Нож. Парень заметно возмужал за последние недели: детская пухлость на лице уступила место юношеской угловатости, плечи раздались, руки, ещё недавно тонкие и слабые, теперь бугрились мышцами. Он работал молча, сосредоточенно, и только иногда, когда очередное семечко выскальзывало из пальцев, тихо ругался сквозь зубы.

— Не психуй, — спокойно сказал Иван Петрович, не поднимая головы. — Семена не любят, когда на них орут. Ты им колыбельную лучше спой.

— Я не умею, — буркнул Кривой Нож.

— Тогда просто помолчи. Тишина — тоже песня. Самая лучшая.

Они работали в тишине, и только ветер, наконец-то проснувшийся после долгого затишья, шуршал пеплом, перекатывая его через равнину. Идиллия. Та самая, о которой Иван Петрович мечтал все эти долгие месяцы войны. Тишина. Покой. Работа на земле. Он почти забыл, каково это — просто сажать семена, не думая о том, что завтра на них могут наступить вражеские сапоги.

Идиллия рухнула в одно мгновение.

Со стороны Западного тракта — того самого, что вёл к Артариуму, — послышался крик. Не боевой клич, не торжествующий рёв победителя, а именно крик — тонкий, срывающийся, полный животного ужаса. Так кричат люди, за которыми гонится смерть.

Иван Петрович поднял голову и прищурился. Его глаза, старые, но всё ещё острые, различили вдаль, у самого горизонта, крошечную фигурку. Она бежала — нет, не бежала, а ковыляла, спотыкаясь на каждом шагу, падая, поднимаясь и снова падая. За ней, на некотором расстоянии, маячили ещё несколько фигур — эти двигались уверенно, быстро, как волки, преследующие раненого оленя.

— Рейнджер! — рявкнул Иван Петрович, поднимаясь на ноги. — Тревога!

Рейнджер, который в этот момент проверял посты на восточной границе, возник словно из-под земли. За те месяцы, что он служил Агроному, его способность появляться именно тогда, когда нужно, стала легендой среди колхозников. Некоторые даже шутили, что он научился телепортироваться.

— Вижу, — коротко ответил он, проследив за взглядом Ивана Петровича. — Один беглец. Четверо, может, пятеро преследователей. Судя по скорости — не новички. Идут целенаправленно.

— К оружию? — спросил Кривой Нож, уже схватившийся за рукоять своего меча.

— Пока нет, — ответил Иван Петрович. — Посмотрим, кто это и что им нужно. Но будь готов.

Он взял свою тяпку — неизменную спутницу, которая заменяла ему и посох, и оружие, и символ власти, — и зашагал к границе. За ним, рассыпаясь цепью, двинулись Кривой Нож, Рейнджер и несколько подоспевших колхозников, вооружённых кто мотыгой, кто вилами, кто старым, зазубренным мечом, доставшимся от прежних времён.

Беглец приближался. Теперь уже можно было разглядеть его лицо — вернее, то, что от него осталось. Это был молодой парень, почти мальчишка, из тех новоприбывших, что пришли в «Колхоз» несколько дней назад. Его звали Тим — Иван Петрович запомнил его, потому что парень был сиротой, потерявшим всю семью во время «Пепельной недели», и пришёл на пепелище не за едой, а за убежищем. Сейчас его лицо, ещё вчера бывшее робким и благодарным, было залито кровью. Одежда порвана в клочья. На плече зияла глубокая рана — видимо, от меча, — из которой хлестала кровь, смешиваясь с пеплом и превращаясь в густую, тёмную кашу.

— Господин Агроном! — прохрипел он, добежав до Ивана Петровича и рухнув на колени. — Там... там... они... Элис... они убили Элис!

Иван Петрович наклонился и подхватил парня за плечи, не дав ему упасть лицом в пепел.

— Тихо, тихо, — сказал он, и его голос, обычно хриловатый и ворчливый, прозвучал неожиданно мягко. — Отдышись. Расскажи по порядку. Кто — они? Что случилось?

Тим, судорожно глотая воздух, попытался говорить. Слова вырывались из него рваными, бессвязными кусками, как клочья из раненого зверя.

— Мы... мы с Элис поехали на Западный тракт. За удобрениями. Как вы приказали. Там был караван... от «Молота и Наковальни»... они везли компост. Мы должны были забрать.

А потом... потом они напали. Из засады. Их было много. Пятеро, может, больше. Они... они даже не спросили, кто мы. Просто начали рубить. Элис... она пыталась убежать, но они... они её... — он всхлипнул и замолчал, не в силах продолжать.

Иван Петрович почувствовал, как внутри него поднимается холодная, знакомая волна. Та самая, что поднималась каждый раз, когда его людям угрожала опасность. Но сейчас он не дал ей вырваться наружу. Вместо этого он спокойно, даже буднично спросил:

— Ты видел их гербы? Кто они? Из какой гильдии?

— «Кровавые Клыки», — выдохнул Тим. — У них на плащах... красный клык на чёрном фоне. Я запомнил. Я никогда не забуду.

— Хорошо, — кивнул Иван Петрович. — Это хорошо. Ты молодец, что добежал. А теперь — к целителям. Рейнджер, проводи.

Рейнджер, не говоря ни слова, подхватил парня под руку и повёл в сторону лагеря. Иван Петрович остался стоять на границе, глядя вдаль — туда, где ещё недавно маячили фигуры преследователей. Сейчас их не было видно. Видимо, «Клыки» решили не приближаться к владениям Агронома, зная, что там их ждёт. Или, может быть, они просто потеряли интерес к добыче. Но это не имело значения. Важно было другое: они напали на его людей. На его земле. И пролили кровь.

— Созови всех, — произнёс он, не оборачиваясь. — Всех старших. В землянку-штаб. Через полчаса.

Кривой Нож, стоявший рядом, открыл было рот, чтобы что-то сказать, но осёкся, наткнувшись на взгляд старика. Этот взгляд не выражал ни гнева, ни боли, ни жажды мести. Он был пустым. Таким пустым, каким бывает небо перед грозой. И эта пустота была страшнее любого гнева.

Часть 2. Землянка-штаб

Землянка-штаб, которую Эйнар со своей бригадой закончил всего два дня назад, была самым большим строением в лагере. Она уходила в землю на добрых три метра, её стены были укреплены обломками гранита, притащенными с руин Пепельной Цитадели, а крышу покрывал толстый слой дёрна — того самого, что колхозники с таким трудом нарезали в единственном уцелевшем овраге к северу от лагеря. Внутри помещалось до двадцати человек, но сейчас здесь собралось лишь пятеро — те, кто составлял ближний круг Агронома и принимал все важные решения.

Иван Петрович сидел во главе грубо сколоченного стола. Перед ним, на исцарапанной столешнице, лежала глиняная табличка с незаконченными записями о нормах высева — он как раз работал над ней, когда прибежал Тим. Сейчас эта табличка казалась чужой, неуместной, словно обломок какой-то другой, мирной жизни, которая закончилась несколько часов назад.

Слева от него сидела Whisper, закутанная в свой неизменный старый плащ. Её глаза были закрыты, но лицо, обращённое к столу, выражало предельную сосредоточенность. Она слушала. Слушала всё: дыхание собравшихся, их сердца, их страхи. И ещё что-то — то, чего не слышал никто другой. «Песню» земли, которая снова была тревожной.

Справа сидел Эйнар, бывший ветеран «Ястребов», а ныне — правая рука Агронома и главный бригадир «Колхоза». Его руки, сложенные на столе, были покрыты шрамами и мозолями, а лицо, мрачное и непроницаемое, не выражало ничего, кроме холодной, расчётливой решимости. Рядом с ним, нервно постукивая пальцами по колену, пристроился Кривой Нож. И, наконец, у самого входа, прислонившись к каменной стене, стоял Рейнджер — его фигура почти сливалась с тенями, и только глаза, острые и внимательные, поблёскивали в полутьме.

— Докладывай, — коротко приказал Иван Петрович, обращаясь к Рейнджеру.

Рейнджер отлепился от стены и сделал шаг вперёд. Его голос, как всегда, был сухим и бесстрастным, словно он зачитывал отчёт о погоде.

— «Кровавые Клыки» — мелкая гильдия, базирующаяся где-то в восточных холмах. По моим данным, они не входят в коалицию «Аграрного ОПЕК» и не участвовали в переговорах. Специализируются на грабежах и ганке на торговых путях. До сегодняшнего дня не представляли серьёзной угрозы — нападали в основном на одиночек и слабые группы. С нами не связывались. Видимо, теперь решили попробовать.

— Сколько их? — спросил Эйнар.

— Точно неизвестно. По разным оценкам — от пятнадцати до двадцати пяти активных бойцов. Лидер — игрок с ником Razor, бывший наёмник, исключённый из «Чёрных Грифонов» за излишнюю жестокость. Уровень — высокий. Тактика — засады, численное превосходство, быстрый отход. Никогда не вступают в затяжные бои.

— Значит, крысы, — резюмировал Кривой Нож, и в его голосе прозвучало презрение. — Подлые, трусливые крысы. Нападают исподтишка и бегут, когда запахнет жареным.

— Можно и так сказать, — согласился Рейнджер. — Но крысы, если их загнать в угол, могут быть опасны.

В землянке повисла тишина. Все ждали, что скажет Иван Петрович. А он молчал. Он сидел, опустив голову, и смотрел на свои руки — заскорузлые, покрытые шрамами, с вьёвшейся под ногти землёй. Руки фермера. Руки, которые никогда не держали меча, но которые убили больше народу, чем иной закалённый воин.

— Что с девушкой? — спросил он наконец, не поднимая головы. — С Элис.

— Мертва, — ответил Рейнджер. — Тим сказал правду. Они убили её и бросили тело на дороге. Я отправил людей, чтобы забрать его. Похороним на северном склоне, рядом с остальными.

Иван Петрович медленно, очень медленно кивнул. Потом поднял голову и обвёл взглядом своих соратников. Его лицо, изрезанное морщинами, было спокойным. Но в глазах горел тот самый холодный, расчётливый огонёк, который они все так хорошо знали. Огонёк, который предвещал бурю.

— Я хочу услышать ваши предложения, — произнёс он. — Что будем делать?

Первым, как всегда, заговорил Эйнар. Он был солдатом до мозга костей и мыслил соответственно:

— Немедленный силовой ответ. Мы знаем, где они базируются. Рейнджер выследит их точное логово. Я соберу ударный отряд — человек десять, не больше, из бывших ветеранов. Мы вырежем их всех. Быстро, тихо, без свидетелей. Это будет уроком для всех, кто думает, что на нас можно нападать безнаказанно.

— Поддерживаю, — горячо добавил Кривой Нож, вскакивая на ноги. — Деда, дай мне отряд! Я сам их... я сам... — он запнулся, подбирая слова, но в его глазах горела та же жажда мести, что и у Эйнара.

Иван Петрович поднял руку, и парень осёкся.

— Сядь, — коротко сказал он.

Кривой Нож сел. Иван Петрович перевёл взгляд на Whisper.

— А ты что думаешь?

Whisper, не открывая глаз, ответила — тихо, но отчётливо:

— Эйнар прав в одном: ответ должен быть. Они пролили кровь наших людей, и это не может остаться безнаказанным. Если мы не ответим, завтра на нас нападут другие. Увидят слабость — и ударят. Это закон войны. Но...

Она сделала паузу.

— Но силовой ответ, — продолжала она, — это именно то, чего от тебя ждут. Все — и враги, и союзники, и те, кто просто наблюдает. Они ждут, что ты пошлешь своих солдат, и «Кровавые Клыки» исчезнут. Как исчезли «Ястребы». Как исчезли «Вороны». И тогда они скажут: «Агроном — это просто воин. Очень сильный воин, но всё же воин. Его можно победить — нужно только быть сильнее». И рано или поздно найдётся кто-то, кто попробует.

— А если не отвечать силой? — спросил Иван Петрович, хотя уже знал ответ.

— Если не отвечать силой, нужно отвечать чем-то другим. Чем-то, чего они не ждут. Чем-то, что покажет им не только твою мощь, но и твою... — она снова запнулась, — ... твою власть. Власть не над мечом. Власть над жизнью. Над смертью. Над самой возможностью существовать.

В землянке снова повисла тишина. Эйнар и Кривой Нож переглянулись — они не до конца понимали, о чём говорит Whisper, но чувствовали, что за её словами стоит что-то важное. Рейнджер, стоявший у стены, чуть склонил голову набок, словно оценивая услышанное.

А Иван Петрович понял. Понял сразу, как только она заговорила. И от этого понимания ему стало холодно.

— Ты говоришь о монополии, — произнёс он. — Об экономическом оружии.

— Да, — подтвердила Whisper. — Ты уже применил его однажды. Против «Ястребов». Тогда это была война. Сейчас — это может стать законом. Правилom. Новым порядком. Ты можешь не убивать их, дедушка. Ты можешь сделать так, чтобы их убил голод. Или — что ещё хуже для них — чтобы их убили их собственные союзники.

Иван Петрович долго молчал. Он смотрел на свои руки — те самые руки, которые только что сажали семена в пепел, — и думал. Думал о том, что Whisper права. Она, как всегда, была права. Силовой ответ — это то, чего ждут. Это предсказуемо. Это привычно. А он, Иван Петрович, никогда не делал того, чего от него ждали. Он всегда шёл другим путём. Путём земли. Путём корней. Путём того, что нельзя увидеть, но можно почувствовать.

— Хорошо, — сказал он наконец, поднимаясь. — Я принял решение.

Все, кто был в землянке, замерли, ожидая приказа.

— Никаких карательных отрядов, — произнёс Иван Петрович. — Никакой резни. Никакой крови. Мы не будем уподобляться им. Мы сделаем иначе.

Он обвёл взглядом своих соратников и продолжил — медленно, весомо, как будто каждое слово было камнем, который он укладывал в фундамент нового здания.

— С сегодняшнего дня вводится новое правило. Единое для всех. Для больших гильдий и для малых. Для союзников и для врагов. Правило простое: любой игрок, любая гильдия, любой клан, который нападёт на члена «Колхоза» и убьёт его, — лишается права покупать, получать, обменивать или любым другим способом приобретать продукцию с моей фермы. Срок — один месяц. За повторное нарушение — навсегда. Это касается не только прямых убийц. Это каса-

ется всей гильдии, к которой они принадлежат. Если гильдия не может контролировать своих членов — она несёт ответственность за их действия. Коллективную ответственность.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Это моё слово. И оно — закон.

Эйнар, всё ещё хмурый, медленно кивнул. Как бывший солдат, он понимал силу приказов. Кривой Нож, напротив, выглядел разочарованным — ему, юному и горячему, хотелось немедленной мести, а не каких-то экономических санкций. Рейнджер, как всегда, был непроницаем. И только Whisper, сидевшая рядом с Иваном Петровичем, едва заметно улыбнулась — той самой, тихой и понимающей улыбкой, которая всегда появлялась на её лице, когда она слышала то, что считала правильным.

— Но это ещё не всё, — продолжал Иван Петрович. — «Кровавые Клыки» уже нарушили это правило. Они убили Элис. Они ранили Тима. Они пролили кровь на моей земле. Поэтому они станут примером. Тем примером, который все запомнят.

Он повернулся к Рейнджеру.

— Объяви по всем каналам. По «Бабушкиному погребку», по «Аграрному ОПЕК», по общему чату. Пусть все знают: «Кровавые Клыки» отныне вне закона. Не моего закона — закона выживания. Ни один торговец, который хочет и дальше вести дела со мной, не продаст им ни зерна. Ни один союзник, который хочет сохранить дружбу со мной, не даст им убежища. Ни один игрок, который хочет есть, не встанет с ними плечом к плечу. Они — изгои. И так будет до тех пор, пока они не придут сюда — все, до последнего, — с повинной. Или пока не сдохнут от голода.

В землянке снова повисла тишина. Но теперь это была другая тишина. Не тревожная, не напряжённая — скорее, благоговейная. Тишина людей, которые только что услышали нечто, что изменит их мир навсегда.

— Выполнять, — коротко приказал Иван Петрович.

И все, кто был в землянке, поднялись и вышли — каждый с мыслью о том, что только что произошло. А Иван Петрович остался сидеть за столом, глядя на глиняную табличку с незаконченными записями о нормах высева. Он думал о том, что только что сделал. Он, агроном, пенсионер, «мирный житель», только что объявил войну — не мечом, а кошельком. Не армией, а монополией. И эта война, он знал, будет страшнее любой другой. Потому что голод — это враг, против которого бессильны любые доспехи.

Часть 3. Декрет

Весть о том, что «Агроном объявил новый закон», разнеслась по серверу с быстротой, которая поразила даже видавших виды ветеранов. Whisper, как и было приказано, опубликовала текст декрета во всех доступных каналах — от общего чата до закрытых торговых сетей «Бабушкиного погребка». Текст был составлен нарочито сухо, почти канцелярски, без угроз и эмоций. Он просто констатировал факт: отныне убийство члена «Колхоза» карается не мечом, а экономической изоляцией. Месяц без еды. Для всей гильдии. Без права апелляции.

Первая реакция была предсказуемой: хаос.

Общий чат, который в последние дни был относительно спокойным, взорвался тысячами сообщений в секунду. Крики, споры, угрозы, насмешки — всё это смешалось в один сплошной, оглушительный гул, который захлестнул все каналы связи. Кто-то восхищался дерзостью Агронома — «Старик окончательно поехал! Он объявил себя богом!». Кто-то, наоборот, возмущался — «Это диктатура! Он не имеет права!». Кто-то пытался анализировать — «Если подумать, это гениальный ход. Он не нарушает правил игры. Он просто отказывается продавать свой товар. Это его право». Кто-то откровенно паниковал — «А если он решит, что я тоже враг? Как мне доказать, что я не враг?».

Но больше всего было тех, кто просто ждал. Ждал, чтобы увидеть, что произойдёт дальше. Ждал, чтобы понять, блефует старик или действительно способен перекрыть кислород целой гильдии. И, конечно, ждал, чтобы сделать выводы. Потому что если Агроном не блефует, если его монополия на еду действительно абсолютна, то это меняло всё. Не просто расстановку сил на сервере — саму природу PvP. Саму идею войны.

В лагере «Колхоза» атмосфера была тревожной, но рабочей. Иван Петрович, огласив свой декрет, не стал ждать реакции. Он вернулся на поле — туда, где они с Кривым Ножом прервали работу несколько часов назад. Он опустился на колени в пепел и продолжил сажать семена. Одно за другим. Ровными рядами. С той же тщательностью, с какой делал это всегда. Это было его лекарство. Его медитация. Его способ сохранить рассудок в мире, который сошёл с ума.

Но остальные не могли позволить себе такой роскоши. Рейнджер со своими следопытами мотался между лагерем и границами, отслеживая реакцию сервера. Эйнар усилил посты — не потому, что ждал нападения, а потому, что так было положено по уставу. Кривой Нож, которому не сиделось на месте, рвался в бой, но Иван Петрович приказал ему оставаться в лагере и помогать с посевной. «Месть — это блюдо, которое подают холодным, — сказал он. — А холод — это не твоя стихия. Сиди и сей».

К вечеру того же дня начали поступать первые доклады.

Первым прибыл лорд Эшер — тот самый дипломат, который представлял коалицию гильдий на переговорах. Он был бледен и, кажется, не спал всю ночь. Его дорогой дорожный костюм был помят, а на лице читалась сложная смесь тревоги и раздражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.